

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА

Чтобы представить себе социальную структуру рабочего класса, и прежде всего «чистых» пролетариев и рабочих с наделом, необходимо проанализировать данные о постоянных и временных рабочих, продолжительности рабочего года, связи рабочих с землей, а также о соотношении различных источников пополнения пролетариата. В свою очередь, для более подробной характеристики пролетариата, выделения слоя «рабочей аристократии» требуется рассмотреть стаж работы, квалификацию, грамотность, различия в заработной плате. Наконец, важно проследить взаимосвязь указанных показателей с профессионально-отраслевым составом, концентрацией и энерговооруженностью рабочих, их размещением.

В ходе изучения формирования, состава и положения рабочего класса эти вопросы неоднократно ставились и анализировались в исторической литературе применительно как к пролетариату России в целом, так и к отдельным его отрядам. Введен в оборот значительный фактический материал, предпринимались попытки теоретических обобщений, определения и уточнения понятий и терминов. Тем не менее среди историков нет единого мнения по ряду вопросов, имеют место разнобой и неточности в употреблении таких терминов, как «чистые» пролетарии, постоянные, кадровые и потомственные рабочие¹.

Ставя фактически знак равенства между постоянными рабочими и «чистыми» пролетариями², исследователи расширительно толкуют понятие «„чистый“ пролетариат». Поэтому нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают, что указанные понятия неидентичны, причем первое шире второго³. В основе указанных понятий лежат качественно различные признаки. При выделении «чистых» пролетариев, с одной стороны, и рабочих, связанных с землей, — с другой, учитывается проявление основных классово-образующих признаков, и прежде всего такого, как отсутствие или наличие собственных средств производства, а также способ получения и размер дохода. «Чистый» пролетариат полностью лишен средств производства (земли и других) и живет исключительно на доход, получаемый путем продажи рабочей силы на капиталистических предприятиях⁴. В основе определения постоянных рабочих, как и рабочих временных, лежит учет времени, в течение которого они работают по найму. Трудящиеся по найму в течение всего года (хотя бы одного), не говоря уже о двух и более годах, считались постоянными рабочими, а занятые часть года — временными (разновидность временного рабочего — сезонный, в речном транспорте — навигационный).

Понятия «„чистые“ пролетарии» и «постоянные рабочие» тесно связаны между собой. Основную часть постоянных рабочих составляли «чистые» пролетарии. Необходимость работы в течение всего года, создаваемая крупной фабрикой, заставляла рабочих порывать

с землей. В свою очередь, лишенные средств производства, они неизбежно должны были трудиться по найму круглый год, ибо это являлось единственным источником их существования. И тем не менее среди постоянных рабочих были не только «чистые» пролетарии, но и те, кто имел еще землю в деревне, хотя и не принимал участия в ее обработке, которую вели члены его семьи. Эти рабочие нередко готовы были избавиться от земли, но не могли сделать этого в силу прикрепления к общине. Постоянные рабочие, имевшие землю, но не принимавшие участия в ее обработке, являлись как бы переходной частью от рабочих с наделом, который они обрабатывали, к «чистым» пролетариям. Соотношение постоянных рабочих и «чистых» пролетариев проверяется статистическими данными, о которых речь пойдет ниже и которые показывают, что число постоянных рабочих превосходило число «чистых» пролетариев.

Известно, что образование класса постоянных рабочих связано с развитием крупной фабрично-заводской промышленности. Неоднократно подчеркивая этот факт, В. И. Ленин вместе с тем на основе данных о применении вольнонаемного труда в земледелии в XIX в. пришел к выводу о быстроте процесса, «создающего кадры постоянных земледельческих рабочих»⁵. Уровень капиталистического развития России в конце XIX—начале XX в. был таков, что постоянные рабочие имелись во всех отраслевых отрядах пролетариата, хотя удельный вес их был неодинаков. Однако было бы неправомерно всех учтенных статистикой рабочих ценовой промышленности, не говоря уже о мелкой промышленности, строительстве и т. д., относить к постоянным рабочим, как это иногда делается⁶.

Еще более распространенным является ограничительное толкование «чистых» пролетариев (или постоянных рабочих) как только кадровых или даже потомственных рабочих. Его мы встречаем в исследованиях и 1920-х годов, и последнего времени. Немало примеров смешения понятий «постоянные», «кадровые», «потомственные» рабочие привели в упомянутых историографических обзорах Ю. И. Серый и М. Г. Мейерович. Число этих примеров можно умножить. Так, А. М. Панкратова в статье 1930 г. характеризует «чистых» пролетариев как рабочих, лишенных средств производства, выходцев из рабочей среды, обладающих длительным производственным стажем, сравнительно квалифицированных и развитых⁷. Таким образом, в число «чистых» пролетариев попадают здесь лишь потомственные, а также кадровые (обладающие квалификацией и длительным производственным стажем) рабочие. Э. Э. Крузе в работе «Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг.», приведя известное ленинское положение о рабочем (который «на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта»⁸), считает, что только этих рабочих и можно включить в категорию «чистого» пролетариата⁹. Однако В. И. Ленин, говоря в данном случае о сроках кандидатского

стажа при приеме в партию, имел в виду вовсе не всех «чистых» пролетариев, а лишь наиболее передовую их часть — кадровых рабочих, для которых считал возможным более короткий кандидатский стаж. Различия в уровне развития «чистых» пролетариев справедливо отметили А. И. Вдовин и В. З. Дробижев, которые включили их в состав всех трех основных слоев пролетариата, отличающихся и профессиональной подготовкой, и стажем работы на предприятиях¹⁰. О том, что «не каждый постоянный рабочий является кадровым», справедливо писал Ю. И. Серый¹¹.

Понятия «„чистый“ пролетарий» и «постоянный рабочий», безусловно, шире, чем понятия «кадровый рабочий» и «потомственный рабочий». Нет сомнения в том, что кадровые рабочие (поскольку они длительное время работали на производстве) и потомственные рабочие, являвшиеся таковыми не только по роду занятий, но и по социальному происхождению, были в своем абсолютном большинстве «чистыми» пролетариями. Однако в составе последних могли быть и недавно потерявшие землю и пришедшие на производство рабочие, не являющиеся ни кадровыми, ни потомственными.

Неодинаково оцениваются в литературе и рабочие, связанные с землей. С одной стороны, общепризнанным является положение, что рабочие, имевшие землю, — это неотъемлемая часть рабочего класса. С другой — многообразие форм и масштабов связи рабочих с землей приводит иногда исследователей к смешению собственно рабочих, имевших землю, с полупролетариями или даже крестьянами-отходниками. Так, знак равенства между рабочими с наделом и полупролетариями ставит Ю. З. Полевой¹². А. И. Вдовин и В. З. Дробижев в состав низшего слоя рабочих наряду с частью «чистого» пролетариата включают полупролетариев, в число которых, как следует из контекста, попадают рабочие с наделом, в том числе фабрично-заводские¹³. В работе В. В. Ниякого в составе низших слоев промышленного пролетариата Нижегородской губернии значится полупролетариат и крестьяне-отходники¹⁴, Э. Э. Крузе, рассматривая связь фабрично-заводских рабочих с землей на основании профессиональной переписи 1918 г. и говоря о рабочем, который не только имел землю, но и обрабатывал ее, т. е. видел в ней дополнительный к заработной плате источник дохода, считает такого рабочего полукрестьянином¹⁵.

На наш взгляд — и это следует из работ В. И. Ленина, — наемный рабочий с наделом и «чистый» пролетарий характеризуются едиными классовыми признаками, при наличии различий в их конкретном проявлении. У рабочих, связанных с землей, работа по найму являлась главным источником дохода, а земля — дополнительным. В то же время у полупролетариев, не говоря уже о крестьянах-отходниках, земля давала основную часть или по крайней мере половину дохода. Это была уже иная социальная категория.

Для характеристики социальных слоев пролетариата необходимо использовать целый комплекс источников, каждый из которых позволяет рассмотреть определенную сторону вопроса. Начнем с анализа материалов о постоянных и временных рабочих.

Постоянные и временные рабочие

В распоряжении исследователей имеются данные по группам производств об удельном весе постоянных и временных (на 1900—1901 гг.), годовых и сезонных (на 1913 г.) рабочих (см. табл. 22). Данные за 1900—1901 гг. получены А. В. Погожевым путем подсчетов, произведенных на основе материалов Министерства финансов, относящихся к фабрично-заводским рабочим Европейской России (учтены предприятия с 50 и более рабочими). При этом под постоянными понимались рабочие, занятые 12 месяцев в году. А. В. Погожев в число постоянных рабочих включил наименьшее их количество по месяцам, а в число временных — разность между наибольшим и наименьшим числами¹⁶. Затем были подсчитаны средние числа постоянных и временных рабочих в течение года, которые и вошли в табл. 22.

Данные (в абсолютных цифрах) о годовых и сезонных рабочих за 1913 г. имеются в материалах промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Они относятся к тем предприятиям фабрично-заводской промышленности, по которым были получены сведения за 31 августа 1913 г. и 31 августа 1918 г. К годовым рабочим при обработке переписи были отнесены не только те рабочие, которые нанимались «на срок определенный», продолжительностью в год, но и рабочие несезонных производств, а также те рабочие сезонных производств, работа которых продолжалась вне сезонного периода (например, ремонтные рабочие на сахарных и кирпичных заводах и др.). К сезонным отнесены все рабочие, занятые работами только в производственный сезон (например, глищики и рядовщики на кирпичных заводах, рабочие на торфяных разработках, в винокурении и т. д.)¹⁷. Если понятия «постоянные» и «годовые», по существу, идентичны, то в термины «временные» и «сезонные» можно вкладывать несколько различный смысл. К сезонным должны относиться рабочие, нанимавшиеся на сезонный период работ. Между тем временными были рабочие не только сезонные, но и трудившиеся более короткий, причем самый различный срок. Источники, касающиеся, например, речного транспорта, выделяют среди занятых на нем годовых, навигационных (т. е. сезонных) и временных работников. Исходя из сказанного, мы считали необходимым сохранить в табл. 22 ту терминологию в отношении рабочих 1900—1901 и 1913 гг., которая использована в источниках.

Данные за 1900—1901 и 1913 гг., конечно, не вполне сопоставимы, однако определенные тенденции в процессе складывания кадров постоянных рабочих они, безусловно, отражают. Во-первых, мы видим общий высокий удельный вес постоянных рабочих, достигающий по всем производствам 96—97 %. Во-вторых, налицо рост доли постоянных рабочих с 1900 по 1913 г. практически по всем производствам (за исключением деревообрабатывающей промышленности). В-третьих, эти данные показывают особенно высокий процент постоянных рабочих в одних и тех же производствах — в металлообработке, химической промышленности, хлопкообрабатывающих

Таблица 22. Процентные отношения постоянных и временных, годовых и сезонных рабочих фабрично-заводской, горнодобывающей и горнозаводской промышленности по группам производств в 1900—1901 и 1913 гг.

Группы производств	1900—1901 гг.*		1913 г.**	
	Рабочих (%)			
	постоянных	временных	годовых	сезонных
Обработка хлопка	97	3	99,3	0,7
» шерсти	95	5	98,7	1,3
» шелка	83	17	100,0	—
» льна	93	7	99,0	1,0
» пеньки и прочих волоконистых веществ			95,6	4,4
» смешанных волок- нистых веществ	92	8	93,3	6,7
» бумаги	96	4	98,1	1,9
Полиграфические производства			100	—
Обработка дерева	91	9	86,0	14,0
Металлообрабатывающая про- мышленность	98	2	100,0	—
Производство машин, инстру- ментов и аппаратов			99,7	0,3
Обработка минеральных ве- ществ ^{3*}	88	12	91,3	8,7
Обработка твердых материалов животного происхождения	91	9	91,2	8,8
Кожевенная и меховая промыш- ленность			98,9	1,1
Изготовление одежды и пред- метов туалета	—	—	98,8	1,2
Производство пищевых продук- тов	93	7	83,3	16,7
Производства, обложенные ак- цизом ^{4*}	83	17		
Химические производства	98	2	99,2	0,8
Художественная и прикладная научная промышленность	—	—	100,0	—
Производство и передача энер- гии и водоснабжение	—	—	97,6	2,4
Горнодобывающая и горноза- водская промышленность	—	—	71,7	28,3
в том числе:				
каменноугольная	—	—	74,5	25,5
нефтяная	—	—	100	—
железорудная и железозела- тельная	—	—	92,4	7,6
Итого по всем группам	96	4	96,9	3,1

* Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих в России. С. 104—105.

** Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 1. Табл. X. С. 60—63. — Подсчеты автора.

^{3*} В материалах переписи 1918 г., откуда взяты данные за 1913 г., эти предприятия входят в следующую группу производств: добыча и обработка камней, земель и глин.

^{4*} Производства: винокуренное, табачное.

предприятиях, производстве бумаги. По сведениям за 1913 г., высоким удельный вес годовых рабочих был также в производствах полиграфических, художественной промышленности, по обработке льна и шерсти, по изготовлению одежды.

На предприятиях горнодобывающей и горнозаводской промышленности процесс создания постоянных рабочих кадров протекал более медленно, годовых рабочих было меньше (71,7 %), чем в фабрично-заводской, а сезонные составляли почти третью часть. При этом нефтяная, а также железорудная и железоделательная промышленность превосходили по удельному весу годовых рабочих каменноугольную, а в остальных отраслях их доля была еще ниже. Тем не менее абсолютный и относительный рост постоянных рабочих происходил и здесь.

Сведения Министерства финансов за 1900 г. о соотношении постоянных и временных рабочих в фабрично-заводской промышленности Европейской России по губерниям привела Э. Э. Крузе¹⁸. Из губерний Петербургского округа выше среднего показателя (91 %) число постоянных рабочих было в Петербургской (93 %), Лифляндской и Олонецкой губерниях. Вместе с тем две губернии — Архангельская (44 %) и Псковская (65 %) — имели самый низкий удельный вес постоянных рабочих. В большинстве губерний Московского округа доля постоянных рабочих была ниже среднего уровня, составляя от 83 до 89 % (в том числе в Московской губернии 88 %). Лишь во Владимирской и Костромской губерниях постоянные рабочие составляли 91 %. Варшавский округ дает самый высокий средний показатель удельного веса постоянных рабочих, который обуславливался особенно большой их долей в таких губерниях, как Ломжинская — 100 %, Гродненская — 98, Петроковская — 96, Калишская — 95, Варшавская — 94 и Келецкая — 93 %. В Киевском и Поволжском округах абсолютное большинство губерний имело удельный вес постоянных рабочих ниже среднего уровня, за исключением Волынской (94 %), Оренбургской и Симбирской (91 %). По Харьковскому округу нет сведений о кавказских губерниях, за исключением Бакинской. В большинстве остальных губерний округа удельный вес постоянных рабочих был на уровне или выше среднего показателя по Европейской России.

В целом в 22 губерниях из 61, по которым имеются сведения, процент постоянных рабочих превышал 90, в 26 губерниях был более 80, в 7 — свыше 70, лишь в 5 губерниях превосходил 60 и в одной составлял 44. Таким образом, уже в 1900 г. в 78,7 % губерний европейской части страны удельный вес постоянных рабочих в фабрично-заводской промышленности составлял свыше 80—90 %.

Погубернские данные о числе годовых и сезонных рабочих имеются также на 1918 г. в пределах территории проведения переписи 1918 г. Они свидетельствуют о росте удельного веса постоянных рабочих во всех губерниях. Так, в 9 из 31 губерний Европейской России, по которым имеются сведения, доля годовых рабочих превышала 99 %, в 17 была выше среднего уровня, т. е. 96,5 %, и лишь в 5 губерниях стояла ниже этого уровня. Кроме того, данные

1918 г. выявляют ряд закономерностей, которые прослеживаются и по сведениям 1900 г.

Так, особенно высоким удельным весом годовых рабочих в 1918 г., так же как и в 1900 г., выделяются Петербургская, Олонецкая, Владимирская, Тульская, Орловская губернии. Наименьшие показатели характерны для Астраханской, Псковской, Курской губерний. В то же время ряд губерний, которые в 1900 г. по доле постоянных рабочих стояли ниже среднего уровня, по данным 1918 г. отличаются очень высокими показателями (Вологодская, Рязанская, Вятская, Саратовская, Тамбовская и др.). Сейчас трудно сказать, объяснялось ли это происшедшими здесь изменениями в составе рабочих кадров или различной методикой сбора и обработки данных. Тем не менее, учитывая приведенные сведения, а также дальнейшее развитие промышленности в начале XX в., рост ее концентрации и механизации, можно утверждать, что число постоянных рабочих к началу первой мировой войны возросло не только абсолютно, но и относительно. Отрасли же и губернии, где удельный вес постоянных рабочих был наибольшим, проанализированные материалы выявляют вполне определенно.

Процесс образования постоянных кадров рабочих шел в Сибири. Однако здесь сказывался сезонный характер ведущих производств: горного, строительного и фабричного (последнее специализировалось главным образом на переработке пищевых и сельскохозяйственных продуктов). В горной промышленности постоянные рабочие не превышали трети всех занятых. Они преобладали на каменноугольных копях, а на приисках Ленского золотопромышленного товарищества их было лишь 24,8 %. В целом в промышленности и транспорте Сибири постоянные рабочие составляли 40—50 %¹⁹.

В Средней Азии постоянные рабочие кадры складывались прежде всего в горнодобывающей промышленности и на железнодорожном транспорте. В хлопкоочистительной, шерстяной, маслобойной промышленности был распространен сезонный труд. Небольшой размер предприятий, их слабая техническая оснащенность, сравнительно недавнее время возникновения замедляли складывание здесь постоянных рабочих кадров, к которым относились меньшинство квалифицированных рабочих — механики, слесари и др.²⁰

Рабочие и служащие железных дорог делились на постоянных, временных и поденных. Доля постоянных с 1909 по 1913 г. возросла с 58,7 % всех железнодорожников до 60,3 %. Увеличился и удельный вес временных работников — с 3,8 до 5,6 %, в то время как доля поденных сократилась с 37,5 до 34,1 %²¹. Наибольшим удельный вес постоянных работников в 1913 г. был в управлении (91,4 %) и службе движения (86,4 %). В службе пути и строений их было 50,1 %, а в службе тяги и подвижного состава — всего 37,7 %²². В последней особенно велика была доля поденных рабочих.

Однако, как уже отмечалось в литературе, соотношение постоянных, временных и поденных работников на железных дорогах не отражает в полной мере уровня социального развития железнодорожного пролетариата. В число постоянных (штатных) включа-

лись преимущественно работники (в значительной мере служащие, а также машинисты, сцепщики и др.), причастные непосредственно к движению поездов. В эту категорию не вошла большая часть рабочих мастерских и депо. По платежным ведомостям за октябрь 1913 г. в числе постоянных работников дорог общего значения рабочих главных мастерских и мастерских при депо было всего 7140²³, т. е. примерно 8,4 % (если считать общее число рабочих мастерских и депо по имеющимся данным на 1908 г.). Остальные включались в категорию поденных, которая складывалась, в свою очередь, из постоянно поденных и случайно поденных работников. К последним относились те, кто выполнял работы по расчистке снега, исправлению пути, при стихийных бедствиях и т. д. Постоянно поденными были главным образом квалифицированные рабочие мастерских и депо, органически связанные с работой транспорта. Они получали содержание за фактически проработанные дни по поденному расчету. Временные работники имели определенный срок найма (неделя, месяц) и получали содержание, как и основные кадры работников, повременно (за период найма)²⁴. Таким образом, число постоянных работников на железных дорогах было больше, чем по официальной градации.

Согласно переписи рабочих и служащих на речных судах в 1901 г., из 83 391 человека, занятого на паровых и непаровых судах, около 15 % оставались зимою на службе при судах и более 25 % имели другие занятия, дающие заработок (в торговле, ремесле, рыболовстве и т. д.). Остальные 60 % работников указали на домашние занятия зимой, не дающие особого заработка, или вовсе не указали занятия²⁵.

О соотношении годовых, навигационных и временных работников на речном флоте дают также представление данные по Волжскому бассейну и Мариинской водной системе. Из учтенных здесь рабочих и служащих годовых было 32,2 %, а 68,8 % приходилось на навигационных. К последним относились прежде всего члены судовых команд. Из них только 17,8 % было занято в зимовках и в ремонтных мастерских зимой. Остальные являлись навигационными работниками. «...Зимою значительно сокращается и число судоводных служащих, — писал журнал «Русское судоходство». — Зимует такое количество людей, которое необходимо для ремонта и охраны судов. На пароходах остается только машинная команда (кроме кочегаров), именно человек 7 вместо обычного штата, т. е. вместо 35 человек на пассажирских пароходах и вместо 24 человек — на буксирных. На баржах увольняется почти вся команда, остается только вахта, т. е. 2—3 человека на каждые 3 баржи, а то и менее»²⁶. Среди рабочих и служащих пристаней годовые составляли 51,3 %, остальные работали только в навигацию. В зимовках и ремонтных мастерских годовыми считались 46,5 % рабочих, остальные 53,5 % в навигационное время работали на судах²⁷. Иначе говоря, эти последние тоже работали в течение всего года, но в разных службах. Число месяцев службы временного состава во всех судоходных предприятиях, учтенных переписью, составляло всего 4,4 % общего рабочего времени²⁸.

Таким образом, сезонный характер работы не мог не сказываться на составе рабочих водного транспорта, значительная часть которых была занята лишь в навигационное время. Кадры постоянных рабочих формировались прежде всего в ремонтных мастерских и среди членов машинных команд. В то же время показательно, что удельный вес временных работников был весьма невелик.

Определение числа постоянных и временных (или сезонных) рабочих других отраслевых отрядов пролетариата представляет значительные трудности из-за состояния источников. Относить всех рабочих, назвавших при проведении переписи 1897 г. наемный труд в строительстве или сельском хозяйстве своим главным занятием, к постоянным рабочим²⁹ вряд ли правомерно. Часть таких рабочих вполне могла быть занята работой по найму не круглый год. Например, если строительный сезон длился семь-восемь месяцев, то для занятых здесь работников работа по найму была главным занятием, но они не являлись постоянными рабочими (исходя из их определения как годовых). Это не исключает того, что такие строительные рабочие, так же как и навигационные рабочие водного транспорта, ежегодно трудились по найму, и в этом смысле их работа здесь приобретала постоянный характер.

М. Т. Гольцман, обобщая материалы профессиональных переписей 1929 и 1932 гг., выделял среди строительных рабочих постоянных и отходников. К постоянным при проведении переписи были отнесены те рабочие, которые круглый год проживали в городах и поселках городского типа и единственным средством существования которых являлась работа по найму. К отходникам относились строительные рабочие, которые ежегодно приходили на строительные работы и имели связь с сельским хозяйством; источником существования у них являлась не только работа по найму, но и сельское хозяйство³⁰. В то же время, ссылаясь на материалы обследования 1911 г., М. Т. Гольцман писал, что «и до революции среди отходников были такие, которые уходили на строительство на целый год»³¹. Отнесение к единой группе отходников как годовых, сезонных и временных рабочих, так и тех крестьян, для которых работа в строительстве была подсобным занятием, приводит к смешению различных социальных групп населения. Отходниками точнее называть строителей, для которых эта работа была побочным занятием, в то время как сельское хозяйство — главным. Такая группа строителей была выделена при проведении переписи населения 1897 г. По своему социальному положению они были крестьянами, а не отхожими рабочими, как характеризовал их А. Г. Рашин³². Согласно материалам переписи, среди строителей рабочих было 42,4 % (345,7 тыс.), а отхожих крестьян 57,6 % (469,3 тыс.)³³.

Более детальное исследование строителей предпринято по Сибири. П. С. Коновалов подсчитал, что здесь накануне первой мировой войны 40—50 % строителей были профессиональными наемными рабочими, к которым автор относил, с одной стороны, рабочих, не имевших земли, а с другой — безлошадных крестьян (поскольку В. И. Ленин определял последних как пролетариев, живущих

работой по найму³⁴). Остальные 50—60 % строителей автор считал сезонниками, а по их социальному положению — крестьянами. При этом он, так же как и М. Т. Гольцман, к постоянным рабочим относил строителей, проживающих в городах³⁵. Если принять этот показатель, то следует сказать, что, по данным переписи 1897 г., в городах проживало по всей России 39,3 % строительных рабочих, в том числе в европейской части страны 37,8 %³⁶.

Еще сложнее выделить постоянных и временных (сезонных, поденных) рабочих среди сельскохозяйственного пролетариата. Перепись 1897 г., которая являлась исходной для общероссийских подсчетов численности сельскохозяйственных рабочих, указывает число лиц, для которых работа по найму в сельском хозяйстве была главным занятием (т. е. сельскохозяйственных рабочих), и тех, кто занимался наемным сельскохозяйственным трудом в качестве подсобного занятия (т. е., по существу, нанимавшихся крестьян и полупролетариев). С. Г. Струмилин считал, что последние работали по найму примерно от 1 до 6 месяцев. Если исследователями 1920—1950-х годов (а также дореволюционными статистиками) указанные представители армии наемного труда определялись именно таким образом³⁷, то позже первые стали квалифицироваться как постоянные, а вторые — как сезонные (или сроковые) рабочие³⁸, что, конечно, неточно. Даже если признать, как считает Л. М. Горюшкин, что «перепись 1897 г., проведенная зимой, когда число поденщиков и лиц, эпизодически нанимавшихся, резко сокращалось, зафиксировала в основном постоянных наемных рабочих»³⁹, ставить знак равенства между постоянными рабочими и лицами, имевшими главным занятием наемный труд в сельском хозяйстве, неправомерно.

Известно, что В. И. Ленин характеризовал сельскохозяйственный пролетариат как наемных рабочих (годовых, сроковых, поденных), добывающих себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях⁴⁰. В большинстве своем это были безземельные или малоземельные крестьяне, как правило безлошадные, не имеющие возможности вести самостоятельное хозяйство и вынужденные идти в наемные рабочие⁴¹. Однако обрабатывающих свою землю и занятых наемным трудом лишь часть (хотя и большую) года было среди сельскохозяйственных рабочих немало. Другую часть сроковых, особенно поденных и сдельных работников, составляли полупролетарии и мелкие хозяева.

Проанализировав статистические данные о развитии огородничества и садоводства в Московском уезде накануне войны, В. И. Ленин пришел к выводу, что годовых и сезонных рабочих нанимало в разных районах от 5 до 26,6 % крестьянских дворов, общее же число крестьянских дворов, нанимавших рабочих, составляло от 43 до 67 %⁴². В сибирской деревне, под подсчетам Л. М. Горюшкина, число нанимавшихся в три раза превышало число годовых и сезонных рабочих⁴³. В целом, так же как подсчет численности сельскохозяйственного пролетариата России в начале XX в., определение удельного веса среди них годовых, сезонных и поденных рабочих остается еще важной задачей историков.

Продолжительность рабочего года

О постоянном или временном характере работы свидетельствуют также данные о продолжительности рабочего года. Еще на материалах конца XIX в., подсчитав среднее число дней работы в году крупных предприятий и среднее число рабочих дней в них одного рабочего, В. И. Ленин пришел к выводу о том, что, «чем крупнее фабрики, тем большее число дней заняты они в течение года». Именно на основании этих данных, подтверждающих и выводы московской санитарной статистики, В. И. Ленин утверждал, что «фабрика создает класс постоянных фабричных рабочих»⁴⁴. Таким образом, он видел прямую связь между развитием фабричного производства, продолжительностью рабочего года и созданием кадров постоянных рабочих.

К анализу продолжительности рабочего года обращались многие исследователи, как дореволюционные, так и советские⁴⁵. Тем не менее до сих пор ряд вопросов, в частности об основных тенденциях в изменении продолжительности рабочего года в начале XX в. и о факторах, влияющих на эту продолжительность, остается еще не вполне ясным. При этом сложность их решения обуславливается недостатком источников и их неполной сопоставимостью, ибо данные собирались по различной методике.

Наиболее массовыми являются сведения по Европейской России за 1905 г., собранные (наряду с данными за 1904 г.) Министерством торговли и промышленности и Горным департаментом, и за 1913—1914 гг., полученные в ходе проведения промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Анализируя их, Ю. И. Кирьянов объяснил меньшие показатели продолжительности рабочего года к началу войны существовавшей разницей между годовым рабочим периодом предприятия и рабочего, которая составляла в большинстве случаев 17 дней. При этом он исходил из того, что «годовой рабочий период предприятия имел тенденцию в начале XX в. не к сокращению, а к увеличению»⁴⁶. На наш взгляд, указанное различие было результатом главным образом неодинаковой методики обработки имевшихся сведений.

Материалы за 1904—1905 гг. содержат данные о среднем числе нерабочих дней в году на одного рабочего⁴⁷. При этом для их подсчета, как говорится в источнике, брались лишь данные, более или менее соответствующие общепринятым в предприятиях нормам. Сведения, касающиеся сезонных производств или являвшиеся следствием других отклонений от этих норм, в расчет не принимались⁴⁸. При обработке материалов переписи 1918 г. учитывались годовые и сезонные рабочие⁴⁹, что не могло не отразиться на более низких показателях данных 1913—1914 гг. по сравнению с 1904—1905 гг. Особенно это сказалось на продолжительности рабочего года в пищевой (291 день в 1905 г. и 192—174 — в 1913—1914 гг.), а также в горной (293 и 229—224 дня) промышленности, где сезонных рабочих было много.

Однако несмотря на неполную сравнимость данных за 1905 и 1913—1914 гг., они выявляют одинаковые тенденции в отношении рабочего года. Во-первых, его высокую продолжительность фактически во всех отраслях фабрично-заводской, а также горной промышленности, составлявшую в среднем более 280—290 дней в 1905 г. и 264—259 — в 1913—1914 гг. Во-вторых, особенно высокий годовой рабочий период (не считая заведений по производству электроэнергии и водоснабжения, которые работали фактически круглогодично) в бумажном (311—319 дней) и полиграфическом (278—271 день накануне войны) производствах (в 1905 г. в том и другом — 291 день), в обработке дерева (289 в 1905 г. и 238 в 1913 г.), минеральных веществ (соответственно 290 и 280 дней), в химической (291 и 284 дня), металлообрабатывающей (289 в 1905 г. и от 268 до 283 дней в 1913—1914 гг.) промышленности. В-третьих, более низкие показатели в отраслях текстильной промышленности — от 281 до 287 дней в 1905 г. и от 253 до 275 накануне войны⁵⁰.

Данные за 1905 г. о продолжительности рабочего года по отраслям производства в различных районах страны⁵¹ показывают, что наиболее продолжительным он был в Привисленском и Прибалтийском районах и наименее продолжительным в Центральном промышленном и Центральном черноземном и Малороссийском, т. е. наблюдалась прямая зависимость между уровнем промышленного развития районов и продолжительностью рабочего года.

О разнице в продолжительности рабочего года в отраслях производства и о взаимосвязи этой продолжительности с различными производственными факторами свидетельствуют более частные материалы.

По подсчетам И. М. Козьминых-Ланина, в 1908 г. средняя продолжительность рабочего года в Московской губернии составляла 270 дней (что было на 6 дней больше, чем в 1900 г.), в том числе у текстильщиков 268,8, у металлистов 272,3⁵². Переработав имеющиеся в брошюре И. М. Козьминых-Ланина данные, В. И. Ленин показал, что более мелкие предприятия (с числом рабочих 76—158 человек) имели рабочий год короче: до 200, 200—250 дней, а более крупные (297—339 рабочих) — длиннее: 250—270 дней и выше⁵³. В. И. Ленин считал, что различия в продолжительности рабочего года на крупных и мелких предприятиях более существенны, чем различия по группам производств. Поэтому анализ подобных материалов является весьма важным.

Согласно данным анкет, собранных комиссией по рабочему вопросу при Московском биржевом комитете на 40 предприятиях Москвы и Московской губернии, в 1906—1909 гг. в течение всего года работали от 62,5 до 84 % учтенных предприятий, в большинстве своем крупные и крупнейшие фабрики. В то же время предприятия Москвы независимо от размеров имели более продолжительный рабочий год, чем даже некоторые крупные фабрики в уездах. Например, в 1910 г. все фабрики, занятые механической обработкой дерева и находившиеся в Москве, работали 265—300 дней, а в уездах — не более 238 дней⁵⁴.

Материалы переписи 1918 г. содержат не привлекавшие ранее внимание исследователей сведения за 1913 г. о среднем числе рабочих дней на одного рабочего на 105 предприятиях металлообрабатывающей, машиностроительной и хлопчатобумажной промышленности в зависимости от величины предприятий и степени их механизации. Чтобы представить разницу между мелкими—средними и крупными предприятиями металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, отметим, что заводы, имевшие энерговооруженность до 100 л. с. на 100 рабочих, насчитывали в первой группе в среднем по 53,12 л. с., а во второй — по 81,17 л. с.⁵⁵

Данные табл. 23 и 24 показывают, что рабочий год на предприятиях металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности был продолжительнее, чем в хлопчатобумажной. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что существовала прямая зависимость

Таблица 23. Среднее число рабочих дней в 1913 г. на одного рабочего в различных по величине предприятиях металлообрабатывающей, машиностроительной и текстильной промышленности *

Группы предприятий по валовой продукции (руб.)	Число рабочих дней в году
Металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность	
А. Мелкие и средние машиностроительные заводы	
до 100 000	269
от 100 001 до 500 000	270
от 500 001 до 2 000 000	284
Б. Крупные машиностроительные и металлические заводы	
от 2 000 001 до 6 000 000	288
свыше 6 000 000	280
Итого	281
Хлопчатобумажная промышленность	
до 1 000 000	279
от 1 000 001 до 5 000 000	265
от 5 000 001 до 10 000 000	267
от 10 000 001 до 20 000 000	272
свыше 20 000 000	268
Итого	270

* Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 1. Табл. 11. С. 118.

Таблица 24. Среднее число рабочих дней в 1913 г. на одного рабочего в различных по степени механизации предприятиях металлообрабатывающей машиностроительной и текстильной промышленности ^{1*}

Группы предприятий по механизации (л. с.) ^{2*}	Число рабочих дней в году
Металлообрабатывающая промышленность	
А. Мелкие и средние машиностроительные заводы (всего)	
до 50	270
от 51 до 100	284
свыше 100	275
Б. Крупные машиностроительные и металлические заводы (всего)	
до 100	282
от 101 до 200	276
свыше 200	309
Итого	283
Хлопчатобумажная промышленность	
до 50	269
от 51 до 100	273
от 101 до 150	272
свыше 150	281
Итого	274

^{1*} Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 1. Табл. 12. С. 120.

^{2*} Число лошадиных сил, приходящееся на 100 рабочих.

между величиной предприятия в одном случае, его механизацией — в другом и продолжительностью рабочего года. Незначительные отклонения от общей закономерности проявлялись в самых крупных заведениях, а также в машиностроительной и металлургической промышленности в группе заводов, где на 100 рабочих приходилось от 101 до 200 л. с. Они могли быть связаны, с одной стороны, с имевшим место на крупных предприятиях более коротким рабочим днем, с другой — с более рациональной постановкой производства⁵⁶. Однако эти отклонения не могут изменить общего вывода о том, что в целом рост механизации и концентрации производства способствовал увеличению продолжительности рабочего года, а следовательно, и увеличению числа постоянных рабочих. Не случайно, анализируя работу И. М. Козьминых-Ланина, В. И. Ленин писал: «Если бы проследить различия в длине рабочего года в зависимости от технической постановки фабрик (ручные и механические двигатели и т. д.), то можно бы найти, без сомнения, целый ряд интереснейших указаний на условия жизни населения, на положение рабочих, на эволюцию нашего капитализма и т. д.»⁵⁷

Как показали исследования, в Сибири годичный цикл работ существовал на каменноугольных копях, золотых рудниках, шахтах, металлургических и солеваренных заводах. Здесь был и наиболее устойчивый в горной промышленности состав рабочих. В то же время там, где преобладал сезонный характер работ, наименее постоянным являлся и состав рабочих. Так было, например, на золотых приисках, мелких рудниках, каменоломнях, соляных озерах Сибири. Однако продолжительность рабочего сезона в течение XX в. и на этих предприятиях возрастала. В золотопромышленности Сибири в 1897—1898 гг. только пятая часть приисков действовала от 9 до 12 месяцев в году и на них трудилась половина всех рабочих; в 1912—1914 гг. уже 35,5 % всех приисков (2/3 рабочих) имели такой сезон. Рабочие золотопромышленности в 1906—1907 гг. трудились 310 дней, а в 1912—1914 гг. — 308,5 дня⁵⁸.

Продолжительность рабочего года железнодорожников определялась необходимостью круглогодичной работы железных дорог. В 1913 г. число фактически проработанных одним железнодорожником дней составляло 280⁵⁹. По подсчетам Б. И. Земерова, железнодорожники Сибири трудились от 293 до 338 дней в году в зависимости от службы. При этом с 1889 по 1914 г. рабочая неделя основных категорий железнодорожников-эксплуатационников сократилась в среднем на 23 %. В результате революции 1905—1907 гг. за счет увеличения выходных и отпускных дней трудовой год рабочих мастерских и депо уменьшился с 347 до 293 дней, паровозных бригад и путевых сторожей — с 357 до 326 дней, стрелочников — с 357 до 338 и т. д.⁶⁰

Продолжительность работы основной массы водников зависела от навигационного периода: на реках Европейской России он составлял 7—8 месяцев, Сибири — 6 месяцев, на южных морях был круглогодичным⁶¹.

На продолжительность рабочего года в мелкой промышленности, строительстве, сельском хозяйстве оказывали влияние ручной характер производства и сезонность работ. Это тормозило формирование здесь постоянных рабочих кадров, обуславливало более тесную связь рабочих с землей.

Рабочий сезон в мелкой (неценовой) и кустарно-ремесленной промышленности в 1913 г. составлял 27 недель, т. е. 189 дней. Более длительной (30—32 недели) была работа на предприятиях по обработке бумаги, металлов, в художественной и научно-прикладной промышленности, производстве одежды⁶². По другим данным, в ремесленных городских заведениях работали в среднем 25—30 недель в году, в сельских кустарных 20—25 недель⁶³. Вместе с тем средние данные скрывают, видимо, тех кустарей, которые работали целый год. В Симбирской губернии, например, таких была четвертая часть⁶⁴.

Продолжительность рабочего сезона строителей зависела от ряда факторов: климатических условий, места строительства, характера постройки и др. Строительный сезон продолжался нередко 7—8, иногда 9 месяцев, в других случаях — 5—6. Некоторые строители из крестьян-отходников работали 2—4 месяца. Определенная часть рабочих фактически в течение целого года была занята на строительстве, возвращаясь в деревню на короткое время: один-два раза в год. «Наконец, значительное число рабочих, — пишет А. А. Панов, — по-видимому, совершенно порвало всякую связь с деревней, которая остается для них лишь местом приписки»⁶⁵.

Таким образом, наблюдалась прямая зависимость между уровнем капиталистического развития данной отрасли и продолжительностью рабочего года. Эта связь особенно отчетливо проявляется при сравнении рабочего года в крупной капиталистической промышленности, с одной стороны, и в мелкой промышленности и строительном деле — с другой. Вместе с тем эта зависимость прослеживается и в самой крупной промышленности — в неодинаковой продолжительности рабочего года по группам производства, в предприятиях различной величины и механизации, в связи с местом расположения предприятий.

Говоря о росте продолжительности рабочего года в отдельных производствах и районах страны в начале XX в., нельзя не учитывать также возможности в условиях сложившегося крупного капиталистического производства известной его стабилизации в наиболее развитых отраслях промышленности. Это показала и Э. Э. Крузе⁶⁶. Определенное влияние на сокращение числа рабочих дней в году (за счет увеличения количества праздничных дней, отпусков) оказывало и массовое рабочее движение. В наибольшей степени это касалось, видимо, производств, где рабочие выступали более активно и где предприниматели частичными уступками стремились ослабить остроту классовых противоречий, в частности в металлообрабатывающей промышленности.

Ослабление связи рабочих с землей

Процесс образования кадров постоянных рабочих неразрывно связан с отрывом рабочих от земли. Это ведет одновременно к увеличению доли «чистых» пролетариев в рабочем классе.

Характерной чертой развития пролетариата в предвоенный период было ускоренное ослабление связи рабочих с землей. Оно обусловливалось развитием крупной промышленности, усилением механизации производства, увеличением потребности в постоянных и квалифицированных рабочих, систематическим ростом числа потомственных пролетариев, влиянием столыпинской аграрной реформы на пролетаризацию крестьянства и освобождение рабочих от земли.

Вопросы об источниках пополнения пролетариата и связи рабочих с землей достаточно подробно изучались не одним поколением исследователей. Введены в научный оборот основные источники общего характера и значительное число более частных материалов, касающихся отдельных районов страны и профессиональных отрядов рабочих. Поэтому в данном случае речь идет об обобщении имеющегося как источникового, так и исследовательского материала.

Важным свидетельством роста чисто пролетарской части рабочего класса является увеличение доли потомственных рабочих. Исследовав значительное число более или менее общих и частных материалов, Л. М. Иванов пришел к выводу, что если в конце XIX в. рабочие крупной промышленности пополнялись выходцами из пролетарских семей на 40 %, то накануне первой мировой войны — уже примерно на 50 %⁶⁷.

Наиболее общие сведения о социальном происхождении рабочих дали профессиональные переписи 1929, 1930—1931, 1932 и 1933 гг., охватившие в большей или меньшей степени рабочих всех отраслей промышленности, кроме железнодорожников. Поскольку переписи проводились много лет спустя после интересующего нас периода и были выборочными (например, перепись 1929 г. учла 20—25 % рабочих страны, из них 193,7 тыс. с дореволюционным стажем, что составляло меньшую часть общего количества рабочих, трудившихся в 1917 г.), по их показателям нельзя воссоздать абсолютно точную картину предвоенного времени. Однако основную тенденцию преемственности фабрично-заводского труда, особенности этого процесса у различных отрядов пролетариата и в различных районах страны переписи все же отразили.

Табл. 25, составленная по материалам переписи 1929 г., показывает рост удельного веса потомственных рабочих среди поступивших на производство в 1906—1913 гг. по сравнению с предшествующими годами почти во всех отраслях промышленности и районах страны. Одновременно понижалась доля выходцев из среды крестьянства. Уменьшение удельного веса потомственных рабочих проявившееся на Урале и в Сибири, в суконной промышленности могло быть результатом особенно быстрого пополнения пролетариата выходцами из крестьянства в условиях предвоенного экономического подъема, что прослеживается и по другим, более частным материалам⁶⁸.

Таблица 25. Социальное происхождение рабочих и их связь с землей (в %) *

Год начала работы в промышленности	Выходцы из семей	Отрасли промышленности и районы										Каменно-угольная	Нефтяная			
		Металлургическая и металло-обработывающая		Текстильная (по стране) 4*			Хлопчатобумажная			Каменно-угольная	Нефтяная					
		по стране	Украина 2*	Урал	Лынная	Шерстяная	Суконная	Москва	Моск. обл. 5*					Иванов. обл. 6*	Донец	
до 1905	рабочих	58,0	43,1	41,6	83,4	83,6	41,1	52,0	72,7	44,5	36,4	57,3	44,0	33,3	47,6	30,8
	крестьян	36,9	52,0	53,8	11,9	14,2	55,0	45,4	24,3	52,7	61,1	40,3	53,6	64,3	49,4	64,3
	служащих	2,6	2,6	2,2	2,1	1,1	0,7	1,0	0,9	1,0	1,2	1,1	0,9	1,0	0,8	1,2
	кустарей, торговцев	2,5	2,3	2,4	2,6	1,1	3,2	1,6	2,1	1,8	1,3	1,3	1,5	1,4	2,2	3,7
	уд. вес рабочих с землей	24,7 23*	17,6	17,4	43,3	51,6	31,6	28,0	22,8	8,0	11,0	27,7	22,2	16,9	15,9	6,3
1906—1913	рабочих	59,0	52,2	43,8	77,9	78,4	44,5	56,5	70,6	53,8	43,8	59,1	47,8	37,9	42,3	32,5
	крестьян	35,4	42,0	52,4	16,7	18,9	51,8	41,1	25,4	42,2	53,6	38,3	49,5	59,5	53,8	64,6
	служащих	3,0	4,1	2,0	2,4	1,4	0,8	1,2	2,3	1,4	1,4	1,1	1,2	1,0	1,2	0,9
	кустарей, торговцев	2,6	1,7	1,8	3,0	1,3	2,9	1,2	1,7	2,6	1,2	1,5	1,5	1,6	2,7	2,0
	уд. вес рабочих с землей	21,2 23*	14,5	21,7	29,0	39,6	29,7	23,7	15,5	4,6	11,1	25,7	20,0	20,1	11,6	5,9

* Рашин А. Г. Металлисты СССР. Т. 1. Перепись рабочих и служащих 1929 г. М., 1930. С. 18, 26, 134—135, 138—141; Он же. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР: Предварительные итоги переписи металлургов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М., 1930. С. 19, 22, 28—29; Труд в СССР: Справочник 1926—1930. М., 1930. С. 28—29. 2* Металлообработывающая промышленность. 3* Металлургическая промышленность. 4* Год начала работы в промышленности: до 1905, 1906—1917. 5* В Московскую область входили бывшие Московская, Тверская, Тульская, Рязанская и Калужская губернии, часть Владимирской губернии (Орехово-Зуево, Загорск). 6* В Ивановскую область входили бывшие Владимирская, Ярославская губернии и часть Костромской.

Высокий процент потомственных рабочих наблюдался в металлургической и металлообрабатывающей промышленности, а также в суконной и шерстяной. Менее всего потомственных рабочих оказалось в каменноугольной и нефтяной отраслях. Преобладание выходцев из семей рабочих над выходцами из других социальных слоев было в старых промышленных районах — на Урале, в Центральном промышленном, а также в Петербурге. В остальных районах большую часть рабочих составляли выходцы из крестьян. Совсем незначительный процент давали семьи кустарей, торговцев и служащих.

Имеющиеся по дореволюционному периоду частные данные, касающиеся в основном текстильной промышленности отдельных губерний ЦПР, дают более низкие показатели удельного веса потомственных рабочих среди пролетариата (выше речь шла о его пополнении), но и они отражают рост процента потомственных⁶⁹. То же относится к угольной и металлургической промышленности Юга России, где, по подсчетам Ю. И. Серого, пролетариат в начале XX в. на 25—30 % пополнялся из семей рабочих⁷⁰.

Сам факт значительного удельного веса потомственных рабочих и его рост в период империализма являются важным свидетельством того, что в России прочно сформировался класс пролетариев, тем более что, как показывает табл. 25, рост потомственности труда шел параллельно с уменьшением доли рабочих, связанных с землей. Это проявилось повсеместно, за исключением каменноугольной промышленности Донбасса.

Вместе с тем в различных отраслях промышленности и районах страны не только доля тех или иных социальных групп в пополнении рабочего класса, но и соотношение этих показателей с удельным весом рабочих, связанных с землей, было неодинаковым, что обуславливалось конкретными условиями формирования и развития здесь пролетариата. В металлообрабатывающей промышленности Петербурга доля потомственных рабочих в пополнении пролетариата была ниже, чем по стране в целом и особенно на Урале, однако удельный вес рабочих, связанных с землей, в столице был самым низким. И то и другое обстоятельство объясняется особенно высоким процентом пришлых рабочих в Петербурге (что понижало долю потомственных), которые в абсолютном своем большинстве были «чистыми» пролетариями.

Роль большого числа пришлых рабочих сказалась и в хлопчатобумажной промышленности Москвы, где доля потомственных оказалась в 1929 г. ниже, чем в Московской и Ивановской областях. В то же время высокий удельный вес потомственных рабочих среди пополнения текстильщиков, в том числе в ЦПР, сочетался с повышенной долей рабочих, связанных с землей. Длительное время существования текстильных предприятий, расположенных преимущественно вне городов, а также преобладание там местных рабочих, из поколения в поколение трудившихся на фабриках, сказывалось не только на повышении удельного веса потомственных пролетариев, но и на сохранении связи рабочих с землей.

Те же факторы, но в более широком масштабе действовали на Урале, где доля потомственных пролетариев в металлообрабатывающей и металлургической промышленности была самой высокой в стране, но наиболее тесной была и связь рабочих с землей. При этом удельный вес рабочих, связанных с землей, не менее чем вдвое превосходил долю выходцев из крестьян. Это говорит о том, что землю имели не только эти последние, но и значительная часть потомственных рабочих Урала.

Что касается Юга страны, то в этом молодом и быстро развивающемся районе со значительным числом пришлых рабочих доля выходцев из крестьян была выше, чем в других районах (особенно в каменноугольной промышленности), а связь рабочих с землей хотя и имела место, но была значительно ниже, чем на Урале.

Материалы профессиональных переписей 1930 и 1932 гг. содержат сведения об удельном весе потомственных пролетариев применительно ко всем рабочим, поступившим на работу в промышленность до 1917 г. Но они позволяют увидеть более высокую долю выходцев из пролетарской среды в машиностроительной, металлургической, полиграфической, бумажной, текстильной, стекольной, фарфорово-фаянсовой и пищевой промышленности ⁷¹.

Потомственные пролетарии составляли значительную часть среди не только фабрично-заводских, но и других категорий рабочих, хотя здесь их было меньше. В начале XX в. у 32,5 % судовых рабочих и служащих родители занимались судоходством ⁷². Среди постоянных строительных рабочих, трудившихся до 1905 г., потомственными являлись 35,2 %, а начавших работу в 1906—1913 гг. — 37,3 %. Сезонные строительные рабочие значительно уступали в этом отношении постоянным, имея 11 % потомственных ⁷³. Однако сам факт создания слоя потомственных рабочих даже среди сезонников говорит о стабильности процесса формирования пролетариата за счет семей рабочих.

Рост слоя потомственных рабочих свидетельствовал об увеличении доли «чистых» пролетариев и о других изменениях состава рабочего класса в сторону его качественного улучшения. Потомственные пролетарии оказывались более грамотными и в большинстве своем становились квалифицированными рабочими. Они были гораздо меньше связаны с землей. Правда, на предприятиях, расположенных в сельской местности, где трудились рабочие не одного поколения, они тоже иногда имели землю, но в обработке ее участвовали реже остальных ⁷⁴. Кроме того, земля не оказывала влияния на постоянство их работы в промышленности. Наконец, что очень важно, рабочие, воспитывавшиеся в пролетарских семьях, приходили в промышленность с иной психологией и уровнем классового сознания по сравнению с теми, кто приезжал из деревни. А это в конечном счете благоприятно отражалось на борьбе рабочего класса. Вместе с тем потомственность труда необходимо рассматривать в совокупности с другими качественными характеристиками рабочего класса.

Ослаблению связи рабочих с землей в предвоенный период способствовала столыпинская аграрная реформа. Сохранение общин-

ного землевладения и круговой поруки, включавшей необходимость уплаты податей в деревне, затрудняло разрыв рабочих с землей, хотя процесс этот шел непрерывно. Когда по указу 9 ноября 1906 г. стала возможна мобилизация земли, ее начали закреплять за собой, а затем продавать не только крестьяне, но и рабочие, давно связавшие свою судьбу с промышленностью.

Реформа способствовала пролетаризации крестьянства. Росло число уходивших из деревни на заработки. Вместе с тем в крестьянском пополнении рабочего класса увеличивалась доля безземельных. Доказательство этому исследователи усматривают в росте числа безземельных, бескоровных и безлошадных хозяйств, в продаже земли выходцами из деревенских низов, в увеличении в деревне процента «отсутствующих» дворов, числа выданных крестьянам паспортов, в росте сроков отхода и в уходе крестьян из деревни целыми семьями, а также в возрастании отхода женщин⁷⁵.

По данным о 73 уездах 13 губерний за 1893—1913 гг., полностью отрывалось от земли 41,5 % отхожих «промышленников»⁷⁶. С учетом неполных данных о частичном отрыве от земли доля тех и других крестьян составит свыше 70 %. При этом около половины «промышленников» уходили в другие уезды и губернии. Именно они прежде всего полностью порывали связь с землей. Другие находили занятия в своей волости и уезде. Они совмещали работу на своем наделе с кустарно-ремесленными промыслами, а также трудились на промышленных предприятиях, расположенных вне городов.

Используя различные материалы по ряду губерний, Ю. И. Серый подсчитал, что из крестьян, ушедших работать в промышленность Юга в 1910—1912 гг., 70 % являлись фактически пролетариями и около 10 % — пролетариями с наделами земли до 3 дес. на двор. Из остальных 20 % крестьян большинство имели до 10 дес. земли на двор и лишь совсем небольшая группа представляла зажиточные дворы⁷⁷.

Возможность освобождения от земли в условиях падения промыслов способствовала уходу на фабрики и части кустарей. Имея соответствующие знания и навыки, кустари поступали на заводы кочегарами, машинистами, слесарями, шли работать на железнодорожный транспорт⁷⁸.

Пролетаризации крестьян способствовала и переселенческая политика царизма, являвшаяся неразрывной составной частью столыпинской реформы. Многие из разорившихся переселенцев из Европейской России становились рабочими в сибирской деревне, трудились на строительстве второй колеи Транссибирской железнодорожной магистрали, работали в промышленности, на речном транспорте и т. д.⁷⁹

Уходившие из деревни на заработки крестьяне, полностью лишенные земли или имевшие незначительные участки, которые не имели для них сколько-нибудь существенного значения, скорее всего, могли стать постоянными рабочими и пополнить ряды промышленного пролетариата. Те же крестьяне, которые продолжали обрабатывать землю, но не могли прожить за ее счет, нанимались на сезонные,

временные работы в различных отраслях народного хозяйства. В зависимости от того, какую роль играла у них работа по найму, они или являлись рабочими с наделом, или занимали переходное, полупролетарское положение, или оставались мелкими хозяевами.

Наиболее массовые сведения о связи фабрично-заводских рабочих с землей дала перепись 1918 г. Содержащиеся в ней данные о рабочих, имевших до Октябрьской революции землю (свою или своей семьи), и о рабочих, ведущих хозяйство при помощи членов своей семьи, представлены по отраслям производства и по губерниям в табл. 26, 27.

Согласно переписи, из 983 855 учтенных рабочих до Октября имели землю 308 411 человек, или 31,3 %. Вели же хозяйство с помощью членов семьи 20,9 %, тогда как для остальных 10,4 % связь с деревней носила формальный характер. Следует отметить, что эти показатели могут быть завышены вследствие того, что перепись учла значительное число текстильщиков, наиболее тесно связанных с землей (учтен весь Центральный промышленный район), в то время как рабочие машиностроительной и металлургической промышленности Урала, Украины и Прибалтики не были ею охвачены. Известно также, что в годы первой мировой войны рабочий класс существенно пополнился выходцами из деревни, что увеличивало общий показатель связи с землей.

Связь с землей была наиболее заметна у рабочих горной (44,4 % имели землю), пищевой (38,1 %) и текстильной промышленности (особенно в производствах по обработке шелка — 41,1 % и шерсти — 37,0 %) и наименьшей являлась в машиностроительной (24,1 %), полиграфической (17,5 %) и некоторых других отраслях. При этом вело хозяйство с помощью членов семьи значительно меньшее число рабочих — в машиностроительной промышленности всего 13,9 %, полиграфической — 9,8, хлопкообрабатывающей — 20,4, пищевой — 29,2 %.

Обработка первичных материалов переписи 1918 г. статистико-математическими методами⁸⁰ позволила рассмотреть различные формы связи рабочих с землей и проследить их взаимозависимость с другими факторами, характеризующими рабочий класс. Выявленные при этом тенденции с известными оговорками и в сопоставлении с другими источниками могут быть использованы для характеристики отношения рабочих к земле в предвоенный период. Существовали семейные, родственные, хозяйственные (земля, дом и т. д.), общинные (необходимость платить налог) связи. Однако нередко многие из них не играли особой роли и не оказывали принципиального влияния на такие параметры, определяющие социальный облик рабочего, как квалификация, стаж работы и др. Даже наличие земли, обрабатываемой родными, свидетельствовало о своеобразном разделении труда в семье. Проявлением наиболее прочной связи с сельским хозяйством являлся уход на полевые работы, который, с одной стороны, отражался на работе предприятия, с другой — в большей мере обуславливал специфические интересы рабочих.

Таблица 26. Связь с землей и грамотность фабрично-заводских рабочих по группам производств в 1918 г.*

Группы производств	Число рабочих (в %)		
	имело до революции землю	вело хозяйство при помощи членов семьи	грамотных ^{2*}
Обработка хлопка	33,4	20,4	52,2
» шерсти	37,0	25,0	52,0
» шелка	41,1	28,4	53,4
» льна	34,4	26,0	55,4
» пеньки и прочих волокнистых веществ	32,8	24,6	56,5
» смешанных волокнистых веществ	36,1	23,0	63,4
» бумаги	29,7	23,4	68,0
Полиграфические производства	17,5	9,8	94,8
Обработка дерева	28,4	19,6	69,7
Металлообрабатывающая промышленность	29,5	20,9	76,5
Производство машин, инструментов и аппаратов	24,1	13,9	83,6
Обработка твердых материалов животного происхождения	30,0	21,4	77,1
Кожевенная и меховая промышленность	29,7	22,2	64,1
Изготовление одежды и предметов туалета	23,8	16,8	75,0
Производство пищевых продуктов и напитков	38,1	29,2	66,0
Химическая промышленность	30,0	20,2	70,0
Художественная и прикладная научная промышленность	23,9	14,2	91,8
Производство и передача энергии и водоснабжение	28,8	17,5	83,1
Добывание и обработка камней, земель и глин	20,7	13,7	68,3
Горнодобывающая и горнозаводская промышленность	44,4	38,8	70,5
в том числе:			
каменноугольная	66,8	62,5	68,2
нефтяная	30,2	14,9	78,4
железорудная и железоделательная	40,6	34,8	71,3
Итого	31,3	20,9	64,0

* Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 2. Табл. VIII. С. 44—47; Табл. XXVI. С. 120—121. — Подсчеты автора.

^{2*} Удельный вес рабочих подсчитан от общего числа грамотных и неграмотных рабочих.

Таблица 27. Связь с землей и грамотность рабочих Европейской России по губерниям в 1897 и 1918 гг.*

Фабричные округа и губернии. ^{2*}	Число рабочих (%)			
	грамотных		имело до революции землю	вело хозяйство при помощи членов семьи
	1897 г. ^{3*}	1918 г. ^{4*}		
Петербургский округ	69,2	72,7	18,3	9,8
Архангельская	53,9	—	—	—
Витебская	52,3	71,0	4,6	3,3
Курляндская	85,5	—	—	—
Лифляндская	86,3	—	—	—
Новгородская	53,6	66,5	22,8	16,3
Олонецкая	52,7	81,1	10,7	9,5
Псковская	54,8	57,8	15,6	9,6
Петербургская (Петроградская)	68,9	78,0	16,9	8,7
Тверская	54,6	61,9	18,7	15,1
Эстляндская	94,9	—	—	—
(Северо-Двинская)	—	52,6	78,8	64,2
Московский округ	55,1	59,1	36,1	23,6
Владимирская	47,0	53,8	40,1	30,9
Вологодская	58,3	76,9	38,2	32,6
Костромская	50,3	64,9	19,4	10,9
Московская	59,9	62,3	38,2	23,3
Рязанская	43,7	60,2	48,3	35,3
Смоленская	48,7	54,8	21,0	11,8
Ярославская	61,6	65,3	15,0	10,1
(Иваново-Вознесенская)	—	52,3	35,7	22,6
(Череповецкая)	—	75,3	31,5	19,9
Варшавский округ	54,1	—	—	—
Варшавская	62,0	—	—	—
Виленская	56,8	—	—	—
Гродненская	59,2	—	—	—
Калишская	49,8	—	—	—
Ковенская	56,7	—	—	—
Келецкая	43,0	—	—	—
Ломжинская	46,2	—	—	—
Люблинская	50,0	—	—	—
Петроковская	48,6	—	—	—
Плоцкая	61,0	—	—	—
Радомская	46,6	—	—	—
Сувалкская	59,4	—	—	—
Седлецкая	48,2	—	—	—
Киевский округ	50,1	—	—	—
Бессарабская	42,1	—	—	—
Волынская	44,8	—	—	—
Киевская	49,9	—	—	—
Минская	48,8	—	—	—
Могилевская (Гомельская)	48,4	72,4	13,4	8,8

Таблица 27 (окончание)

Фабричные округа и губернии ^{2*}	Число рабочих (%)			
	грамотных		имело до революции землю	вело хозяйство при помощи членов семьи
	1897 г. ^{3*}	1918 г. ^{4*}		
Подольская	40,3	—	—	—
Полтавская	52,9	—	—	—
Таврическая	54,3	—	—	—
Херсонская	57,1	—	—	—
Черниговская	46,8	—	—	—
Поволжский округ	46,2	69,8	23,8	14,5
Астраханская	48,3	75,6	18,6	4,8
Вятская	47,2	68,3	22,4	21,0
Казанская	46,1	64,9	21,3	1,5
Нижегородская	50,8	73,5	28,7	21,5
Оренбургская	33,2	—	—	—
Пермская	44,1	—	—	—
Самарская	53,1	71,5	18,7	11,2
Саратовская	56,3	74,8	29,4	19,0
Симбирская	41,3	54,6	17,1	11,4
Уфимская	38,4	—	—	—
Харьковский округ	47,5	68,8	36,4	27,3
Бакинская	26,8	—	—	—
Воронежская	50,2	63,2	40,1	29,1
Донская обл.	45,1	—	—	—
Екатеринославская	48,1	—	—	—
Калужская	48,1	68,0	40,7	37,5
Кубанская обл.	48,4	—	—	—
Курская	49,3	65,8	46,3	42,9
Кутаисская	41,5	—	—	—
Орловская	49,0	69,1	24,6	19,3
Пензенская	45,9	63,2	26,3	19,3
Ставропольская	49,4	—	—	—
Тамбовская	50,7	61,4	43,2	33,4
Терская обл.	45,8	—	—	—
Тифлисская	36,3	—	—	—
Тульская	53,5	78,1	35,0	15,8
Харьковская	55,0	—	—	—
Черноморская	50,2	—	—	—

* Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 2. Табл. III. С. 2—240; Табл. III (продолжение). Вторая паг. С. 2—116; Табл. III. Третья паг. С. 18—130; Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 2. Табл. V. С. 23; Табл. XXV. С. 118—119. — Подсчеты автора.

^{2*} В скобках даны губернии, образованные после Октябрьской революции или значащиеся в материалах переписи 1918 г. под таким названием.

^{3*} Вошли рабочие всех профессиональных отрядов, учтенных переписью 1897 г., за исключением сельскохозяйственного пролетариата, рабочих, занятых лесным делом, рыболовством, охотой, а также чернорабочих и поденщиков.

^{4*} Удельный вес рабочих подсчитан от общего числа грамотных и неграмотных рабочих.

Менее всего были связаны с землей рабочие Петербургского района, где вели хозяйство при помощи членов семьи всего 9,8 % рабочих. В столице имели землю 17,2 % рабочих, но лишь 9,9 % сами или через близких родственников участвовали в обработке земли, и только 0,9 % постоянно уходили на полевые работы⁸¹. Из крестьян — жителей Петербурга по переписи населения 1910 г. — уходили на летние работы 13 %⁸². Связь с землей была выше в их среде за счет того, что переписью учитывались рабочие мелких заведений, а также чернорабочие и прислуга, еще не прочно осевшие в городе.

Более тесные связи рабочих с землей наблюдались в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где доля имевших землю рабочих превышала нередко 40 %. В данном случае следует учитывать не только отраслевые особенности промышленности, но и факт расположения значительного числа предприятий вне городов, а также тесную связь с местным рынком рабочей силы. «Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно, — писал В. И. Ленин. — Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый»⁸³. Вместе с тем и в Центральном промышленном районе в наиболее развитых губерниях, особенно в крупных промышленных центрах, связь рабочих с землей была весьма незначительна. В Московской губернии в 1908 г. в фабрично-заводской металлообрабатывающей промышленности уходили на полевые работы всего 2,4 % рабочих, а в хлопчатобумажной — 4,2 %⁸⁴. В Москве, по переписи 1918 г., имели землю 32,4 % фабрично-заводских рабочих, но вели на ней хозяйство с помощью семьи всего 18,4 %⁸⁵. Согласно переписи населения Москвы 1912 г., примерно 25 % учтенных рабочих имели связь с деревенским хозяйством (как и в Петербурге, этот процент повышался за счет других, помимо фабрично-заводских, категорий рабочих), но конкретная помощь ему оказывалась часто за счет заработков⁸⁶.

Рабочие достаточно высокоразвитых в промышленном отношении Ярославской и Тульской губерний были слабо связаны с землей: вели хозяйство при помощи членов семьи соответственно 10,1 и 15,8 %, а участвовали в полевых работах — 1 и 2,2 % рабочих⁸⁷. Это объяснялось не только наличием здесь машиностроительных, металлообрабатывающих и металлургических предприятий, но и тем, что производство, в том числе и текстильное, сосредоточивалось в основном в городах. В Иваново-Вознесенском районе более тесная связь с землей (35,7 % рабочих имели землю и 22,6 % вели на ней хозяйство) наблюдалась за счет рабочих предприятий, расположенных в сельской местности. Однако в обработке земли в 1907 г. участвовал всего 1 % иваново-вознесенских ткачей⁸⁸.

Несмотря на специфику формирования пролетарских кадров в Центральном промышленном районе, связь рабочих с землей носила здесь в большинстве случаев формальный характер, а работа в промышленности являлась единственным источником существования.

Наличие земли у значительного числа уральских рабочих объяснялось историческими условиями развития этого района. Стремясь обеспечить себя дешевой рабочей силой, без которой не могла существовать отличавшаяся низкой техникой и примитивной организацией труда уральская промышленность, заводчики рассматривали землю как способ привязать рабочих к заводу, как форму натуральной заработной платы. Это вело к росту фактического землепользования горнозаводского населения, которое на казенных и посессионных заводах Урала возросло с 1861 по 1917 г. вдвое⁸⁹. Сохранению связи рабочих с землей способствовали и такие факторы, как пополнение пролетариата Урала в основном за счет местного населения, сравнительно небольшой процент пришлых (в 1914 г. лишь 25—30 %), расположение большинства предприятий в сельской местности.

На металлургических заводах Урала, по переписи 1929 г., рабочих с землей среди пришедших в промышленность до 1905 г. было 51,6, а в 1906—1913 гг. — 39,6 %, на металлообрабатывающих — соответственно 43,3 и 29 %. Из фабрично-заводских рабочих Вятской губернии в обработке земли участвовали: у имевших в 1918 г. производственный стаж от 4 до 10 лет — 24 %, со стажем свыше 10 лет — 29,6 %⁹⁰. Таким образом, и на Урале шел процесс освобождения рабочих от связи с землей.

Следует также учитывать, что для большинства рабочих, имевших землю, работа в промышленности была главной и основной, нередко потомственной. Рабочие, владевшие подсобным хозяйством, рассматривали его как средство пополнения своего скудного заработка, который, однако, всегда, даже в самые трудные годы, был основным источником существования их семей⁹¹. В итоге связь уральских рабочих с землей не исключала в большинстве случаев их пролетарской принадлежности, а была результатом своеобразного развития одного из старейших промышленных районов России, где особенно сильны были пережитки крепостничества.

Промышленно развитый Юг страны отличался слабой связью рабочих с землей. Здесь на заводах рабочих, связанных с землей, было не более 10 %, на каменноугольных шахтах — около 20 %, а на железных и марганцевых рудниках — несколько более⁹².

В Бакинском нефтепромышленном районе в 1909 г., по подсчетам А. М. Стопани, четыре пятых рабочих в различной степени поддерживали связь с деревней, имея там свою семью, дом и т. д., в том числе 53,5 % вели хозяйство. Однако отрыв рабочих от земли усиливался. Наибольший процент лиц, совершенно утративших связь с деревней, давали квалифицированные русские рабочие (56,1 %)⁹³.

В Сибири не только сезонные, но и постоянные рабочие нередко вели свое хозяйство, держали скот. В 1917 г. на железных дорогах и золотых приисках Забайкальской области они составляли 75 % всех рабочих, в угольной промышленности — свыше 50 %. Связь рабочих с сельским хозяйством наглядно проявлялась и в обрабатывающей промышленности, ибо до половины и более предприятий этой отрасли размещались в деревне⁹⁴.

Рассмотрение конкретных форм связи рабочих с землей позволяет заключить, что из тех 20,9 % рабочих, которые, по переписи 1918 г., вели свое хозяйство с помощью семьи, значительная часть сама не участвовала в обработке земли, а потому и для них связь с землей носила, по существу, формальный характер.

У рабочих мелкой промышленности связь с землей была более прочной, хотя городские ремесленники в этом отношении существенно отличались от сельских кустарей. Например, среди 574 ремесленных рабочих Киева, обследованных в 1913 г., имели землю из металлистов 24 %, печатников — 17,5, сапожников — 47 и ювелиров — 62,7 %⁹⁵. Крестьянские же промыслы почти повсеместно сочетались с земледелием и дополняли его. В Уфимской губернии, например, не занимались земледелием 19,7 % кустарей⁹⁶.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин характеризовал сельских пролетариев XIX в. как рабочих с наделом, включая сюда не только собственно сельскохозяйственных рабочих, но и чернорабочих, строителей и т. д.⁹⁷ В XX в., и особенно в предвоенный период, произошли важные качественные изменения в отношении рабочих к земле, которые были отмечены В. И. Лениным: в результате возможности по указу 9 ноября 1906 г. укрепить свои наделы в собственность, а затем продать их сельские пролетарии превращались «из пролетариев с наделом в чистых пролетариев»⁹⁸. Проанализировав данные земской подворной переписи по Самарскому уезду в 1911 г., В. И. Ленин сделал вывод: «Растет число обезземеленных крестьян, чистых пролетариев»⁹⁹.

Согласно данным профессиональной переписи 1929 г., среди постоянных строительных рабочих, пришедших в строительство до 1913 г., имевшие землю составляли 23,6 % (в том числе в Московской области среди пришедших в строительство до 1905 г. — 49,1 %, в 1906—1913 гг. — 48,3, в Ленинграде — соответственно 29,8 и 26 %), у строителей-отходников — 94,3 и 93,8 %¹⁰⁰.

С одной стороны, развитие строительной промышленности в условиях капитализма, а тем более империализма вело к сближению строителей с фабричными рабочими. С другой — отставание этой отрасли от фабрично-заводского производства в техническом отношении и сезонный характер работ способствовал сохранению у определенной части строителей связи с землей, которая, однако, постепенно ослабевала¹⁰¹.

Но столыпинская реформа не была завершена к началу войны. Ее ограниченный характер, сохранение помещичьего землевладения и других феодальных пережитков тормозили развитие капиталистических отношений в деревне и формирование постоянных кадров сельских рабочих.

* * *

Сопоставление данных о постоянных и временных рабочих, продолжительности рабочего года и связи рабочих с землей позволяет сделать ряд выводов. Удельный вес постоянных рабочих был выше, чем доля пролетариев, не связанных с землей. Это означает, что

в числе постоянных рабочих, состоявших в основном из «чистых» пролетариев, определенная часть приходилась на рабочих, имевших землю. Однако именно потому, что для многих рабочих, особенно крупных капиталистических предприятий, связь с землей носила формальный характер, они могли постоянно трудиться по найму.

Прослеживается прямая зависимость между удельным весом постоянных рабочих, продолжительностью рабочего года и долей «чистых» пролетариев по отраслям хозяйства, производствам и районам страны. Поэтому в тех случаях, когда данные по какому-либо из этих параметров отсутствуют, соответствующие выводы могут быть сделаны на основе других показателей. В свою очередь, указанные характеристики находились в прямой связи с размерами и степенью механизации производства. Встречающиеся отступления от этих общих закономерностей, которые мы наблюдали, в частности в отношении отдельных отраслей фабрично-заводской промышленности, свидетельствуют лишь о сложности процессов, лежащих в основе взаимосвязи развития производства и обслуживающей его рабочей силы, и говорят о необходимости их дальнейшего исследования.

Одну из важных особенностей развития рабочего класса в предвоенный период В. И. Ленин видел в усилении чисто пролетарской опоры движения в результате ускоренного освобождения рабочих от связи с землей¹⁰². Этот процесс отчетливо проявился в увеличении доли постоянных рабочих, росте продолжительности рабочего года в отсталых отраслях и районах, увеличении роли потомственных рабочих и полностью пролетаризированных крестьян в пополнении рабочего класса, освобождении рабочих от земли и ослаблении их связей с деревней.

В крупной фабрично-заводской, горной промышленности и на железнодорожном транспорте прочно сложились постоянные кадры рабочих, состоявшие из «чистых» пролетариев, полностью порвавших с сельским хозяйством. Если взять среднюю цифру между удельным весом постоянных рабочих в фабрично-заводской и горной промышленности (96,9 %) и рабочих, не имевших земли и не обрабатывавших ее даже с помощью членов семьи (79,1 %), то по этой весьма грубой прикидке доля «чистых» пролетариев в указанных отраслях составит 88 %. При этом в машиностроительной промышленности этот процент равен 92,9, металлообрабатывающей 89,6, полиграфической — 95,1, химической — 89,5, хлопкообрабатывающей — 89,4, деревообрабатывающей — 83,2, пищевой — 77,1, горнодобывающей и горнозаводской — 66,5. В Петербургской губернии удельный вес «чистых» пролетариев составил 95,1 %, а в Московской — 82,3 % (доля постоянных рабочих здесь берется на 1900 г., т. е. явно занижена по отношению к предвоенному периоду).

Интенсивный процесс отрыва от земли, складывания постоянных кадров рабочих шел (особенно в предвоенные годы) во всех отраслях народного хозяйства. Считая «чистыми» пролетариями рабочих крупной фабрично-заводской и горной промышленности, В. И. Ленин писал в то же время о «массе чисто пролетарских элементов

в торговле, в сельском хозяйстве, в транспорте и т. д.»¹⁰³. Из судебных рабочих и служащих речного флота постоянные и фактически не имевшие земли составляли до 40 %. В строительстве постоянными рабочими также были не менее 40 %, из них землю имели около пятой части. Таким образом, «чистыми» пролетариями являлись здесь более 32 % всех рабочих. В мелкой промышленности «чистых» пролетариев было больше в городском ремесле. Однако по этой и другим отраслям источники не позволяют сделать даже примерных прикидок. Вместе с тем очевидно, что армия «чистых» пролетариев существенно пополнялась рабочими неиндустриальных отраслей.

В то же время в них сохранялись еще значительные категории рабочих, которые совмещали наемный труд с обработкой земли и другими сельскохозяйственными занятиями. Слой рабочих с наделом складывался преимущественно из части пролетариев, не связанных с индустриальным трудом и занятых в мелкой промышленности, сельском хозяйстве и т. д. К рабочим с наделом относились и имевшие землю (а точнее, ее обрабатывавшие) пролетарии крупных капиталистических предприятий. Однако, во-первых, их доля в указанном слое была весьма незначительной, а во-вторых, они заметно отличались от имевших землю рабочих других отраслей хозяйства. Работа на крупных капиталистических предприятиях не только способствовала ускоренному освобождению от земли и постоянству работы в промышленности, но и оказывала влияние на психологию и сознание пролетариев, вовлечение их в классовую борьбу.

В целом же собственное хозяйство «на кусочке земли разъединяло рабочих, давало каждому из них некоторый особый интерес»¹⁰⁴, препятствовало их объединению. Рабочие, связанные с землей, труднее усваивали пролетарскую идеологию и были подвержены мелкобуржуазному влиянию. Вместе с тем близость российского пролетариата к полупролетарским слоям, к крестьянству облегчала его влияние на эти слои и вовлечение их в совместную борьбу против угнетателей.

Стаж работы

Наиболее социально устойчивую и профессионально подготовленную часть «чистых» пролетариев составляли кадровые рабочие. Основные их признаки в литературе выделяются по-разному. Так, П. В. Волобуев подчеркивал, что «перед войной пролетарское ядро состояло из потомственных, наследственных пролетариев и рабочих с большим производственным стажем (от 5 до 10 и больше лет). И те и другие являлись кадровыми рабочими, квалифицированными и высококвалифицированными по своему производственному опыту и подготовке»¹⁰⁵. А. И. Вдовин и В. З. Дробижев определяют главный признак кадрового рабочего как «отсутствие собственных средств производства и иных источников дохода, кроме как от работы на предприятии; определенный стаж работы, необходимый для усвоения психологии рабочего класса»¹⁰⁶. М. Г. Мейерович считает, что

«длительный стаж является *необходимым* и *достаточным* условием для определения понятия „кадровый рабочий“»¹⁰⁷. Ю. И. Серый пишет, что «кадровый рабочий не только постоянен, но и либо достаточно квалифицирован, либо хотя и не квалифицирован, но в результате длительного труда достаточно опытен, дисциплинирован, организован, может выполнить определенную работу, усвоил рабочие традиции»¹⁰⁸.

Таким образом, в представлении исследователей кадровые рабочие предстают то как постоянные, то как «чистые» пролетарии или даже потомственные рабочие. Подчеркивается (хотя и в различной мере) значение фактора квалификации или — шире — профессиональной выучки, а также усвоения пролетарской дисциплины, психологии, традиций. Во всех характеристиках присутствует признание стажа работы как фактора, определяющего кадрового пролетария.

Хотя кадровые рабочие, несомненно, являются постоянными, длительность их работы на производстве говорит о том, что кадровых точнее определять как часть «чистых» пролетариев, ибо в число постоянных входило определенное число рабочих, имевших землю и трудившихся лишь один-два года. Потомственные рабочие были наиболее прочно связаны со своим классом уже в силу своего происхождения. Однако далеко не все потомственные рабочие, например молодые, были кадровыми, точно так же как не все кадровые являлись потомственными. Источники не позволяют определить долю потомственных рабочих среди кадровых и наоборот.

Квалификация также является важным, но не абсолютным показателем кадровых рабочих. Определенная часть последних могла не иметь квалификации, в то же время среди квалифицированных были рабочие, недавно пришедшие в фабрично-заводскую промышленность (например, из числа ремесленников, кустарей) и не являющиеся кадровыми. Поэтому границы квалифицированных и кадровых рабочих не совпадают между собой. Тем не менее рассмотрение квалификации является одним из необходимых путей изучения кадровых рабочих. Характеристика кадровых рабочих как способных выполнить ту или иную профессиональную задачу, вероятно, более точна, но выделить таких рабочих не представляется возможным. Поскольку квалификация в значительной мере связана с грамотностью рабочих, рассмотрение последней имеет важное значение для изучения пролетариата в целом и его кадрового состава.

Для характеристики кадровых рабочих важны и такие показатели, как усвоение ими пролетарской дисциплины и психологии. Однако статистического выражения и они не имеют (за исключением некоторых косвенных данных, связанных с классовой борьбой).

Основным показателем, позволяющим выделить кадровых рабочих среди «чистых» пролетариев является стаж работы. Признавая важность всесторонней характеристики кадровых рабочих с учетом совокупности ряда признаков, мы остановимся на статистическом анализе стажа работы, а также квалификации и грамотности рабочих, показав по возможности взаимосвязь этих показателей между

собой и с другими параметрами, характеризующими пролетариат.

В литературе имеются разнообразные и разрозненные данные о стаже рабочих. Источники приводимых сведений неоднотипны: в одних случаях — это материалы заводских архивов, в других — данные различных обследований, сведения о заболеваемости, травматизме, потере трудоспособности, данные горнозаводских вспомогательных, ссудосберегательных касс и другие. Эти сведения неполны, разновременны и не всегда сравнимы. Большинство из них отражает стаж работы на данном предприятии, и лишь некоторые — общий трудовой стаж рабочих. Последний, естественно, был значительно выше первого. Поэтому общие показатели стажа работы, а следовательно, и удельного веса кадровых рабочих мы получаем заниженные.

Большинство исследователей считают, что к кадровому можно отнести рабочего, проработавшего на производстве не менее 5 лет. Однако источники не всегда содержат такие данные: некоторые из них указывают стаж работы от 3 до 5 лет, другие — свыше 3 лет. Поэтому судить по ним о доле кадровых рабочих можно лишь весьма приблизительно, но общие тенденции развития пролетариата они все же отражают.

Обобщение этих данных ¹⁰⁹ приводит к выводу, что в среднем примерно от четверти до трети учтенных рабочих крупных капиталистических предприятий трудились там свыше 10 лет. Сюда вошли и рабочие, имевшие производственный стаж 15—20 и более лет. От одной четверти до половины рабочих были заняты в промышленности от 3 до 10 лет. По данным о некоторых предприятиях, число рабочих, имевших стаж работы свыше 5 лет, составляло от одной до двух третей, а иногда и выше. Наконец, около одной четверти пролетариев работали менее года (или двух лет). По данным о стаже работы, доля рабочих, трудившихся менее года, была заметно больше указанного выше удельного веса временных рабочих в крупной промышленности. Это объясняется, скорее всего, хорошо известной историкам текучестью рабочей силы, в результате которой рабочий, занятый в течение всего года наемным трудом (а поэтому являвшийся постоянным), мог работать на разных предприятиях, отчего стаж его работы на каждом из них и составлял менее года.

Особенно большим стажем работы отличались рабочие металлургических заводов Польши, Юга России, а также железнодорожники. Сравнительно низкие показатели стажа оказались в горнодобывающей промышленности. При этом данные «Общества пособия горнорабочим» Южного района, отразившие общий трудовой стаж, именно поэтому, по-видимому, значительно превосходят размеры стажа рабочих на отдельных рудниках и коях.

Стаж зависел также от времени основания предприятия. Высоким он оказался на насчитывавших десятилетия заводах Польши, Урала, текстильных фабриках Центрального района, старых рудниках (например, Грушевском антрацитовом руднике в Донбассе). В то же время на недавно основанной Анненской мануфактуре Кинешемского уезда Костромской губернии абсолютное большинство рабочих трудились менее 5 лет.

Чем крупнее предприятие, тем больше было на нем рабочих с длительным стажем работы. Так, по данным анкетного обследования, проведенного профсоюзом металлистов в Петербурге в 1908 г., на крупных заводах (от 500 до 1 тыс. рабочих) более 5 лет работали 32,9 %, на крупнейших (свыше 1 тыс.) — 53,3 % рабочих¹¹⁰.

Отчетливо выражена была в начале XX в. тенденция к увеличению общего трудового стажа промышленных рабочих России. На Прохоровской Трехгорной мануфактуре в Москве более 5 лет работали в 1905 г. 27,7 %, а в 1913 г. — 48,2 % рабочих¹¹¹. На Ярославской Большой мануфактуре рабочие со стажем не менее 5 лет составляли в 1900 г. 62,4 %, а в 1914 г. — 74,8 %¹¹². Число пенсионеров горнозаводских касс Урала (наземных заводов и рудников) со стажем более 20 лет выросло с 713 человек (40 % всех членов касс) в 1898 г. до 3037 (46,7 %) в 1913 г., группа же со стажем 35 лет увеличилась со 115 до 1077 человек¹¹³. С 1903 по 1913 г. доля рабочих, проживавших в нефтепромысловом районе Баку более 5 лет, увеличилась с 34 до 37,9 %¹¹⁴. Среди железнодорожников — участников пенсионных касс, прослуживших на железных дорогах 10 и более лет, в 1900 г. было 21,1 %, а в 1914 г. — уже 33,3 %. Средний срок работы на железных дорогах для членов касс повысился с 5,8 года в 1900 г. до 7,9 года в 1913 г.¹¹⁵

Эта общая тенденция не исключала в отдельных случаях понижения удельного веса рабочих с большим стажем работы в связи с уходом рабочих старших возрастов и пополнением пролетариата молодыми кадрами. Так, среди членов горнозаводских касс казенных заводов и рудников Урала доля лиц со стажем работы более 10 лет уменьшилась с 43,7 % в 1898 г. до 23,9 % в 1913 г., однако их численность увеличилась с 4,5 до 5,4 тыс. человек. Среди членов вспомогательных касс металлургических заводов и рудников Польши производственный стаж менее 10 лет имели в 1904 г. 53 % рабочих, в 1908 г. — 67,7 %, среди членов кассы копей Франко-итальянского общества — соответственно 73,4 и 75,3 %¹¹⁶.

Стаж работы был тесно связан с квалификацией рабочего. Чем выше был уровень квалификации рабочих, тем больше среди них было людей с большим производственным стажем. По переписи 1918 г., среди рабочих Петрограда со стажем работы 10 и более лет оказалось 50,4 % квалифицированных, а среди лиц, недавно пришедших на производство, — 17,9 %. Стаж работы более 5 лет к 1913 г. (пришли в промышленность в 1907 г. и ранее) имели 66 % квалифицированных рабочих крупных и средних предприятий, 55 % квалифицированных рабочих, занятых на мелких предприятиях, 41,1 % полуквалифицированных, 34,3 % малоквалифицированных и 26,7 % не имеющих специальности рабочих¹¹⁷.

На Хайтинской фарфоровой фабрике под Иркутском, по данным обследования 1928 г., свыше 30 лет (поступили до 1898 г.) трудились 18,4 % рабочих, а от 20 до 29 лет — 23,3 %. Квалифицированные же рабочие имели более высокий стаж: токарей со стажем работы свыше 25 лет оказалось 27,4 %, горновщиков — 30, а расписчиков фарфора — 42,5 %¹¹⁸.

Среди железнодорожных рабочих — членов пенсионных касс — наибольший средний стаж работы имели к 1914 г. составители поездов (10,4 года), машинисты, помощники машинистов, кочегары (9,3), осмотрщики и смазчики вагонов (8,2), наименьший — стрелочники (6,3), сторожа и рабочие по охране и содержанию пути (6,3) и тяги (5,4 года) ¹¹⁹.

На речных паровых и непаровых судах, по переписи 1901 г., стаж работы от 1 до 5 лет имели 47,5 % рабочих и служащих, от 6 лет и более — 50,2 % (2,3 % составляли те, срок службы которых неизвестен). При этом на паровых судах не более 5 лет трудились 44 % членов судовых команд, в то время как на непаровых — 49 %. Стаж работы и здесь прямо зависел от квалификации рабочих. На паровых судах не более 5 лет работали 5,6 % лоцманов и боцманов, 25 % штурвальных и рулевых, 13,5 % машинистов, 32,3 % их помощников, 60,3 % масленщиков, 59 % кочегаров, 64,4 % матросов. На непаровых судах до 5 лет работали 27,4 % шкиперов, лоцманов, старших водоливов и 61,9 % матросов. В то же время рабочие, прослужившие свыше 10 лет, составляли большинство: на паровых судах — среди лоцманов (около 78 %) и машинистов (более 66 %), а на непаровых — у шкиперов, лоцманов и старших водоливов (около 60 %) ¹²⁰.

Косвенные данные о трудовом стаже различных профессиональных отрядов рабочих имеются по Баку: перепись населения Баку и его промыслово-заводского района 1913 г. содержит сведения о времени проживания рабочих в городе и промыслово-заводском районе (см. табл. 28). Эти данные касаются рабочих, родившихся вне Баку и промыслового района и составлявших, по нашим подсчетам, 89,7 % всех рабочих Баку и 95,7 % — рабочих промыслово-заводского района ¹²¹.

Удельный вес постоянных рабочих (за вычетом тех, кто проживал, а следовательно, и работал в Баку менее года) был в городе и промысловом районе примерно одинаковым, составляя 3/4 всех рабочих. В то же время доля кадровых рабочих, к которым можно отнести прежде всего тех, кто жил в Баку и пригороде 6 и более лет, в городе была более высокой (около 40 %), чем в промыслово-заводском районе (29 %). Эти цифры неполны, т. к. рабочие, проживавшие 5 лет, здесь не учтены, будучи объединены в одну группу с рабочими, жившими в городе от 2 до 4 лет. Если принять, что рабочие, проживавшие в Баку 5 лет, составляли примерно четвертую часть этой группы, то процент кадровых рабочих возрастет здесь до 46, а в промысловом районе — до 37.

Наибольший удельный вес кадровых (и постоянных) рабочих был в фабрично-заводской и нефтеобрабатывающей промышленности, превышая 50 % в городе и составляя соответственно более 40 и 60 % в промысловом районе. Достаточно высокие показатели постоянного и кадрового состава были в городе у рабочих «прочих видов» добывающей и обрабатывающей промышленности, а в промыслово-заводском районе — у водников. Доля постоянных (около 90 %) и кадровых рабочих (67,1 %) нефтедобывающей промышлен-

Таблица 28. Распределение рабочих (в %) по времени проживания в Баку и промыслово-заводском районе в 1913 г.*

Отраслевые отряды рабочих	Проживающие в Баку				Проживающие в промыслово-заводском р-не			
	Менее 1 г.	1 г.	2—5 лет	6 лет и более	Менее 1 г.	1 г.	2—5 лет	6 лет и более
Рабочие фабрик и заводов (кроме нефти)	18,0	8,0	20,2	52,5	19,1	13,7	23,3	43,1
» по добыче нефти и подрядному бурению	10,1	4,8	17,2	67,1	24,7	18,5	30,5	25,0
» по обработке нефти	14,9	10,3	21,7	51,9	8,8	8,2	19,1	63,6
» прочих видов добывающей и обрабатывающей промышленности	19,3	9,6	25,2	44,5	30,6	16,9	25,2	25,5
» транспортных предприятий, кроме судоходства	33,9	14,2	22,9	24,4	22,5	15,3	29,4	30,1
» по судоходству	30,1	8,9	20,9	33,5	16,9	9,8	31,1	41,7
» по домовладению	23,9	14,6	30,9	28,8	21,1	14,7	26,8	34,2
» торговых заведений и кредитных учреждений	24,3	11,2	30,4	32,5	30,3	14,4	28,7	23,8
Всего	23,2	10,7	24,2	39,5	23,8	17,2	28,7	29,0

* Перепись Баку 1913 г. Баку, 1916. Ч. 3, вып. 2. С. 9; То же. Баку, 1915, Ч. 3, вып. 4. С. 10. Проценты подсчитаны автором к общему числу рабочих данного отряда, учитывая и тех, время проживания которых в Баку и районе неизвестно.

ности в Баку оказалась очень большой, но по численности эти рабочие составляли лишь 3,1 % всех рабочих данной отрасли, живших в городе и промысловом районе. Очевидно, это были высококвалифицированные рабочие, занятые на машинах, а возможно, и являвшиеся мастерами. Основная же часть рабочих по добыче нефти и подрядному бурению жила в промыслово-заводском районе и, имея в своем составе достаточно высокий удельный вес постоянных рабочих (около 75 %), отличалась сравнительно низкой долей кадровых (немного более 30 %). Ниже среднего уровня удельный вес постоянных и кадровых рабочих и в Баку, и в промысловом районе был у транспортных рабочих (кроме судоходства) — видимо, за счет гужевого транспорта, у рабочих по домовладению и в торговых заведениях. Такая картина вполне согласуется с тем представлением об уровне социального развития различных отраслевых отрядов рабочих, которое мы получили ранее по другим материалам. Характерно при этом, что перепись показывает существование, как правило, прямой зависимости между долей постоянных и кадровых рабочих.

Данные о стаже работы свидетельствуют о том, что основная масса индустриальных рабочих России была прочно связана с про-

мышленностью и транспортом. Таких рабочих было немало и в других отраслях хозяйства, однако сведения о стаже их работы скудны. В известной мере мы можем судить об их кадровости, учитывая также потомственность труда и квалификацию рабочих.

Квалификация и грамотность рабочих

Обобщающие данные о квалификации рабочих России накануне первой мировой войны отсутствуют. Поэтому приходится использовать такой косвенный показатель, как оплата труда. Дифференцированные сведения об оплате труда фабрично-заводских рабочих были собраны в результате анкетного обследования, проведенного Министерством торговли и промышленности осенью 1916 г. (сведения давались на июнь 1914 и июнь 1916 гг.). Оно охватило главным образом крупные предприятия (среднее число рабочих на одно обследованное предприятие — 955), подчиненные фабричной инспекции, — для 1914 г. 7,9 % предприятий, на которых работали 54 % (1 058 426) рабочих. При этом было учтено 82 % рабочих предприятий по обработке волокнистых веществ, 54,7 % — металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, 16,4 % рабочих пищевой промышленности и т. д.

Сведения о заработной плате представлены в табл. 29. Следует учитывать, что размер заработка зависел от целого ряда факторов: группы производства, соотношения мужского и женского труда, величины предприятий и степени их механизации, а также места расположения (района, города или сельской местности) и др. Однако поскольку величина заработка определялась в первую очередь характером труда, а механизация производства предъявляла соответствующие требования к квалификации рабочих, то размер заработка в значительной мере отражал профессионально-квалификационный уровень пролетариата.

Судя по заработной плате, в российской промышленности существовал очень тонкий слой высокооплачиваемых квалифицированных рабочих (в среднем составлявший 1,1 %), значительное число рабочих средней квалификации (более 35 %) и большое количество (более 60 %) малоквалифицированных и неквалифицированных, плохо оплачиваемых рабочих¹²². Если учитывать только взрослых мужчин, то рабочих высшей квалификации было 2 %, средней — 56 %.

Эти соотношения существенно отличались по отраслям промышленности. В текстильной и пищевой, где был высокий удельный вес работающих женщин, доля низкооплачиваемых рабочих составляла более 70—80 %, а в металлообрабатывающей и машиностроительной — лишь 22,5 %. В то же время удельный вес среднеоплачиваемых рабочих был в первом случае немногим более 20 %, а во втором — свыше 70 %. Доля высокооплачиваемых рабочих являлась среди металлистов самой большой — 4,7 %, у горняков она составляла 1,6 %, в то время как у текстильщиков и пищевиков не превышала 0,4 %. Рабочие остальных отраслей производства

Таблица 29. Распределение рабочих (в %) по величине заработков в июне 1914 г. в различных группах производств

Группы производств	Размер дневного заработка рабочего						
	до 50 к.	свыше 50 к. до 1 р.	свыше 1 р. до 2 р.	свыше 2 р. до 3 р.	свыше 3 р. до 4 р.	свыше 4 р. до 5 р.	свыше 5 р.
Обработка хлопка	14,4	62,3	21,6	1,4	0,2	0,05	0,04
» шерсти	36,2	44,4	18,2	1,0	0,07	0,03	0,06
» шелка	27,3	55,4	16,3	1,0	0,05	0,01	—
» льна, пеньки и джута	35,5	52,4	11,5	0,5	0,05	0,01	—
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	3,3	48,0	38,4	9,1	0,8	0,3	0,1
Производства бумажное и полиграфическое	18,7	40,5	28,9	8,6	2,2	0,7	0,4
Механическая обработка дерева	7,3	34,2	45,5	10,7	1,6	0,5	0,2
Обработка металла, производство машин	4,6	17,9	41,8	23,1	7,9	3,2	1,5
Обработка минеральных веществ	24,2	37,4	31,4	5,3	0,8	0,3	0,6
» животных продуктов	15,0	34,0	33,7	13,2	3,2	0,8	0,1
» пищевых и вкусовых веществ	22,8	49,6	23,8	2,9	0,6	0,2	0,1
Химические производства	14,7	35,5	40,8	7,2	1,4	0,3	0,1
Добывающая промышленность	0,2	47,7	38,7	8,2	3,6	1,0	0,6
Производства, не вошедшие в предшествующие группы	0,8	20,6	53,0	16,9	6,5	1,9	0,3
Всего	16,4	46,5	27,4	6,7	1,9	0,7	0,4

* Зарботки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 и июнь 1916 гг.) М., 1918. Вып. 1. С. 20—21. — Подсчеты наши.

по соотношению размеров заработной платы занимали как бы среднее положение между металлистами и текстильщиками.

По отдельным отраслям текстильной промышленности имеются также погубернские сведения о заработной плате. Они свидетельствуют о том, что удельный вес низкооплачиваемых рабочих в западных губерниях (Петербургской, Эстляндской, Могилевской) был ниже, чем в губерниях Центра. Так, зарплату до 1 руб. получали в Петербургской губернии 44,6 % обследованных рабочих, а в Московской — 73,3 %, от 1 до 2 руб. — соответственно 50,7 и 24,6 % рабочих¹²³. Одной из причин различий в заработках по районам страны был, безусловно, неодинаковый профессионально-квалификационный уровень рабочих, что связано и с более высокой энерговооруженностью и производительностью труда в северо-западных губерниях по сравнению с центральными.

Показательно, что приведенные данные перекликаются со сведениями переписи 1918 г. Последняя, конечно, отразила перестройку промышленности в годы войны, однако соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих за это время не могло коренным образом измениться, так как оно было связано со сложившейся в основном ранее структурой производства и с потребностью в определенных рабочих кадрах. Среди рабочих Петрограда в 1918 г. на крупных, средних и мелких фабрично-заводских предприятиях было 23,3 % квалифицированных рабочих, 33,9 — полуквалифицированных и малоквалифицированных, 26,7 — не имели специальности, у 5,1 % рабочих квалификация не установлена. Таким образом, на малоквалифицированных и неквалифицированных приходилось 60,6 %. В металлообработке и машиностроении квалифицированных рабочих было 49,6 %, в кожевенной, швейно-обувной и деревообрабатывающей промышленности — 52,9, в полиграфической — 39,2 %. В текстильной промышленности особенно значителен (72,3 %) был удельный вес полуквалифицированных и малоквалифицированных рабочих¹²⁴.

Согласно данным по отдельным крупным металлообрабатывающим и машиностроительным заводам столицы и Юга, удельный вес рабочих различной квалификации составлял на них до 80 %¹²⁵.

Уровень квалификации рабочих в горнозаводской промышленности в известной мере отражает соотношение числа заводских и внезаводских, вспомогательных рабочих. Последние, как правило, были неквалифицированными, временными и занимались выжигом угля, подвозкой сырья, вывозкой шлака и т. д. В целом по стране в 1911 г. 67 % рабочих являлись заводскими и 33 % внезаводскими, вспомогательными. Наиболее высоким удельный вес заводских рабочих был в Северо-Западном (100 %) и Северном (94,7 %) крае, около 80 % — в Южном, Подмосковном и Польском районах. Самые же низкие показатели заводских рабочих отмечены на Урале (52,5 %) и в Сибири (64,8 %).¹²⁶ Очевидно, определенная часть заводских рабочих не имела квалификации. Так, на доменных заводах — Днепровском, «Русский Провиданс», Юзовском и других — квалифицированные рабочие составляли в 1914 г. 65 %¹²⁷, т. е. меньше, чем был на Юге удельный вес заводских рабочих в 1911 г.

Что касается горнодобывающей промышленности, то здесь доля квалифицированных рабочих была ниже, чем на заводах. Так, среди шахтеров Донбасса в начале XX в. она равнялась примерно 55—60 %¹²⁸. В бакинской нефтедобывающей промышленности мастеровые (к которым были отнесены в источнике квалифицированные рабочие) составляли всего 10 %, зато малоквалифицированные — около 47 % и чернорабочие — 22 %. В подрядном бурении доля чернорабочих доходила до 47—49 %, малоквалифицированных было 14 % и мастеровых — 18 %, остальных — неизвестно¹²⁹.

На 12 крупных предприятиях горнодобывающей и горнозаводской промышленности Сибири в июне 1914 г. квалифицированных рабочих было 34,8 %, неквалифицированных — 65,2 %¹³⁰. На приисках Лен-

ского золотопромышленного товарищества за десятилетие 1901—1911 гг. рабочие высокой квалификации, получавшие заработок выше среднего уровня, составляли в среднем 7,9 %, полуквалифицированные и малоквалифицированные, имевшие средний заработок, — 77,3 % и 14,8 % рабочих были заняты при конном дворе и на других работах, которые оплачивались значительно ниже среднего уровня ¹³¹.

Известное представление о квалификации железнодорожников также дает размер их заработка. По официальным данным, в 1913 г. высокооплачиваемые работники, получавшие свыше 40 руб. в месяц, составляли среди постоянных рабочих и служащих железных дорог 37 %, среди временных — 4,6, поденных — 2 %. Но в большинстве своем это были средние и высшие служащие. К числу высокооплачиваемых рабочих железных дорог, входивших в группу не только постоянных, но и поденных, относились (согласно исследованию И. М. Пушкаревой по 1905 г.) рабочие наивысшей квалификации — монтеры, слесари, две трети машинистов и их помощников. Значительной (63 % среди постоянных, 37,1 — временных и 65,8 — поденных) была группа среднеоплачиваемых рабочих и служащих, получавших от 25,1 до 40—45 руб. в месяц. Из рабочих к ней относились столяры и слесари, рабочие мастерских и депо, машинисты и их помощники, часть сцепщиков и стрелочников. Наконец, среди поденных и временных рабочих от 30 до 60 % составляла самая низкооплачиваемая категория — чернорабочие, носильщики, истопники и др. ¹³²

Среди судорабочих число квалифицированных было невелико. К ним относились прежде всего лоцманы и машинисты судов с механическим двигателем, где они составляли 14,8 % рабочих и получали свыше 40—60 руб. в месяц. При этом машинистов, зарабатывавших более 60 руб. в месяц, было 3,8 % всего число судорабочих. Рабочими средней квалификации являлись помощники машинистов, штурвальные, масленщики (28,6 %), имевшие заработок от 24 до 40 руб. Матросы и кочегары составляли на механических судах 55,3 % и получали от 14 до 24 руб. в месяц.

На судах без механического двигателя более высокий заработок (от 20 до 30 руб.) получали водоливы (14,8 % судорабочих). Доля матросов и подручных водоливов превышала здесь 85 %, а их заработок колебался в пределах 12—20 руб. в месяц ¹³³.

В морском паровом флоте квалифицированные рабочие составляли 40,8 %, неквалифицированные — 59,2 %. С учетом парусных судов удельный вес квалифицированных понижается до 32 %, а неквалифицированных повышается до 68 % ¹³⁴.

Из общего числа строительных и дорожных рабочих, охваченных обследованием 1911 г., имели специальности 31 %, остальные 69 % являлись чернорабочими ¹³⁵.

Таким образом, различные комплексы производства требовали неодинакового количества квалифицированных рабочих. В фабрично-заводской промышленности России кадры рабочих различной квалификации составляли в среднем примерно две трети общего

числа рабочих. В промышленно развитых районах (прежде всего Петербург, Юг страны, Прибалтика, Польша) на крупных предприятиях металлообрабатывающей, машиностроительной, электротехнической промышленности доля квалифицированных была выше, достигая 80 % и более. Слой высококвалифицированных специалистов был невелик, не превышая 2—4 %. Основную группу составляли рабочие средней квалификации, значительным был слой специализированных, полуквалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Несмотря на разницу в уровне квалификации, все эти рабочие имели определенную специальность (в отличие от тех, кто такой специальности не имел, а потому считался чернорабочим). В других отраслях народного хозяйства (водный транспорт, строительство и т. д.) доля квалифицированных рабочих была значительно ниже, а чернорабочие составляли нередко две трети общей численности рабочих.

Уровень профессионального и культурного развития пролетариата характеризует не только квалификация, но и грамотность. Рабочие получали образование различными путями, среди которых наряду с общеобразовательными начальными школами и профессионально-техническими училищами, охватывавшими лишь малую долю пролетарской молодежи, видное место занимали ученичество, домашнее образование и самообразование. В распоряжении исследователей имеются массовые данные о грамотности рабочих, относящиеся к 1897 и 1918 гг. При этом, как справедливо отметила Э. Э. Крузе, «уровень грамотности рабочих в 1918 г. можно в целом отнести и к 1914 г., так как за 4 военных года не могло произойти больших изменений в грамотности рабочих в отношении ее роста»¹³⁶. Все остальные сведения о грамотности, в том числе и касающиеся периода предвоенного подъема, носят частный характер.

Хотя материалы 1897 и 1918 гг. неоднократно использовались исследователями¹³⁷, возможности их анализа не исчерпаны. В литературе рассматривалась грамотность рабочих основных групп производства, но не всех. Не проанализированы в полной мере данные о грамотности рабочих различных районов страны. Имеется и ряд фактических неточностей при анализе указанных источников.

Данные переписи 1897 г. являются наиболее полными, так как содержат сведения о грамотности всех отрядов пролетариата в пределах всей страны. По ним можно судить не только о том, что грамотность рабочих была выше, чем населения страны в целом, но и о различиях в уровне грамотности мужчин и женщин. Среди рабочих всех профессиональных отрядов (за исключением занятых в сельском хозяйстве, лесных промыслах, лесоводстве, рыболовстве и охоте, а также чернорабочих и поденщиков)¹³⁸ грамотные составляли 51,9 %, в том числе среди мужчин 55,4, а среди женщин — 30,5 %¹³⁹. Понятно поэтому, что соотношение мужского и женского труда в том или ином производстве оказывало влияние на уровень грамотности рабочих в целом.

Приступая к анализу грамотности рабочих по отраслям хозяйства и группам производства, отметим, что по обрабатывающей

и горной промышленности перепись 1897 г. учла не только фабрично-заводской пролетариат, но и рабочих ремесленной и кустарной промышленности. Особенно отчетливо это видно по ряду производств, входивших в группу «обработка волокнистых веществ», по которой в источнике в таблице о грамотности рабочие фабрично-заводских и кустарных заведений представлены отдельно. Однако по абсолютному большинству производств такое разделение отсутствует. Между тем в работах А. Г. Рашина, Э. Э. Кру́зе, Е. И. Рябухина грамотность промышленных рабочих в 1897 г. рассматривается как грамотность фабрично-заводского пролетариата.

Наиболее высокий удельный вес грамотных, как следует из табл. 30, был у рабочих полиграфической промышленности, в производстве инструментов и ювелирном деле (свыше 80 % по России в целом), в металлообработке (более 65 %). В два раза ниже (от 40 до 30 %) этот показатель был в обработке волокнистых веществ, в добывающей и металлургической промышленности. Если в текстильном производстве имел значение высокий удельный вес женского и малоквалифицированного труда, то в горной более низкая грамотность соответствовала широкому распространению неквалифицированного труда, сезонности многих работ.

В отдельных производствах, входивших в группу «обработка волокнистых веществ», материалы переписи позволяют подсчитать отдельно грамотность рабочих фабрично-заводской и кустарной промышленности. Так, в обработке хлопка из занятых в фабричном производстве грамотных было 39,5 %, в кустарных заведениях — всего 18,3 %, в обработке льна, пеньки и джута — соответственно 41,7 и 35,6 %, в обработке шерсти — 45,6 и 41,1 %. Если исключить влияние такого фактора, как соотношение мужского и женского труда, то и тогда обнаруживается более высокая грамотность фабричных рабочих. Так, из мужчин, занятых в обработке хлопка, в фабричном производстве грамотных было 53,9 %, а в кустарном — 35,9 %. Если в группе по обработке металлов в целом грамотные рабочие составляли 65,5 %, то в кустарном производстве различных металлических изделий — 41,2 %. Однако наряду с этой, преобладающей тенденцией наблюдались и обратные явления: например, в кружевном и тюлевом фабричном производстве грамотными были 48,6 % рабочих, а в кружевном и вышивальном кустарном — 60,4 %¹⁴⁰. Работа в мелком производстве нередко требовала высокой квалификации и длительного обучения, а также определенного уровня общей культуры.

Достаточно высокой была грамотность среди рабочих транспорта (около 60 %), торговли (свыше 70 %). Данные 1897 г. по водному транспорту подтверждаются сведениями переписи рабочих и служащих речных судов 1901 г. Согласно им, из числа работавших на судах грамотные составляли 56 % (4 % опрошенных не дали сведений об образовании; если исключить их, то удельный вес грамотных, по нашим подсчетам, составит 58,7 %), в том числе на паровых судах — до 70 %, на непаровых — только 49 %. Квалифицированные рабочие отличались и большей грамотностью. На

паровых судах среди машинистов грамотными были 93,5 % рабочих, помощников машинистов — 88,2, масленщиков — 84,5, штурвальных и рулевых — 75,9, лоцманов и боцманов — 72,6 %. В то же время из матросов грамотными оказались 60,5 %, из кочегаров — 58,9 %.

Таблица 30. Грамотность рабочих в 1897 г. по отраслям хозяйства, группам производств и районам страны *

Отрасли хозяйства и группы производств	Грамотные рабочие в % к общему числу рабочих в отрасли (группе производств)					
	Россия в целом	Европейская Россия	Привислинские губернии	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия
Добыча руд и копи	30,0	31,7	38,5	15,4	25,4	3,1
Выплавка металлов	38,8	38,2	49,3	22,7	33,8	—
Обработка волокнистых веществ	39,9	38,9	48,3	14,1	28,9	4,5
» животных продуктов	47,1	48,0	58,5	32,8	33,0	18,0
» дерева	58,8	58,4	64,9	53,8	48,2	38,2
» металлов	65,5	66,3	67,6	50,4	53,4	39,2
» минеральных веществ (керамические производства)	45,8	48,2	40,1	31,0	33,6	8,5
Химические производства	48,8	49,7	45,9	39,2	41,9	17,6
Изготовление пищевых продуктов	48,5	49,7	49,8	35,7	33,3	22,3
Полиграфическое производство	82,6	82,7	77,7	84,0	90,0	89,7
Производство инструментов, игрушек, часов	82,8	83,5	78,8	74,3	90,5	62,5
Ювелирное дело	82,2	83,7	83,1	45,7	79,3	32,5
Изготовление одежды	57,2	58,5	55,6	46,3	46,5	20,9
Производство экипажей и постройка деревянных судов	61,3	62,3	65,5	49,8	41,8	44,4
Железнодорожный транспорт	58,0	59,7	60,2	49,1	45,9	44,3
Водные сообщения	58,1	61,9	55,2	35,9	46,3	30,2
Строительство	50,0	53,3	53,4	30,6	34,9	21,3
Торговля	70,9	75,7	56,8	88,7	53,7	16,3
Земледелие	28,2	32,5	24,5	12,5	11,1	4,1
Животноводство	20,7	30,8	16,2	6,2	3,5	1,6
Лесоводство и лесные промыслы	26,4	29,1	24,9	16,2	17,2	9,9
Рыболовство и охота	22,6	24,7	44,3	21,6	10,5	18,0
Поденщики и чернорабочие	24,3	28,7	17,1	15,2	19,3	4,3

* Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1. С. 2—48. Приложение. С. 12—13. — Подсчеты автора.

На непаровых судах грамотные шкиперы, лоцманы, старшие водолывы составляли 63,6 %, а матросы — 50,2 % ¹⁴¹.

В отраслях сельского хозяйства, в лесоводстве и лесных промыслах, рыболовстве и охоте, а также среди поденщиков и черно-рабочих грамотной была лишь четвертая—пятая часть всех рабочих.

Грамотность рабочих 50 губерний Европейской России во всех отраслях хозяйства (за исключением деревообработки) была выше, чем по России в целом. Общероссийские показатели грамотности по 12 отраслям из 23 превосходили рабочие привисленских губерний. Их грамотность была нередко выше, чем в Европейской России в целом. Однако, говоря об этом, необходимо учитывать, что в состав Европейской России вошли различные по уровню грамотности рабочих районы, что и сказалось на более низких общих показателях.

Рабочие Кавказа, Сибири и Средней Азии в большинстве отраслей хозяйства за редким исключением отличались более низким уровнем грамотности, чем в европейской части страны. Удаленность от крупных политических и культурных центров, меньшее развитие промышленности в этих районах, политика национального угнетения нерусских народов, проводившаяся царизмом, — все это не могло не сказаться отрицательно на уровне грамотности пролетариата.

Материалы переписи 1918 г. показывают более высокую грамотность рабочих по сравнению с данными 1897 г. В 1918 г. грамотные составляли 64 % рабочих, давших ответ на этот вопрос. Среди мужчин их было 79,2 %, женщин — 44,2 %. Более высокие показатели мы видим и по группам производств (см. табл. 26). В известной мере это можно объяснить тем, что перепись 1918 г. учла только фабрично-заводской пролетариат, грамотность которого была в целом выше, чем у рабочих мелкой промышленности. Вместе с тем сопоставление данных 1897 и 1918 гг. (даже с учетом их неполной сравнимости) позволяет говорить о росте грамотности рабочих в начале XX в. во всех производствах. Особенно хорошо это видно на примере текстильной промышленности, ибо здесь мы имеем данные отдельно по фабрично-заводским предприятиям и за 1897 г. Если в конце XIX в. грамотных рабочих было на хлопкообрабатывающих фабриках 39,5 %, то в 1918 г. — 52,2 %, на предприятиях по обработке шерсти — соответственно 45,6 и 52 %, льна, пеньки и джута — 41,7 и свыше 55 %.

Грамотность росла не только среди фабрично-заводского пролетариата. По данным опроса в Иркутске десятков тысяч строительных рабочих, следовавших в 1911—1913 гг. в восточном направлении, грамотных среди них оказалось 44,5—46,4 % ¹⁴², в то время как в 1897 г. среди сибирских строителей их было 34,9 %.

О росте образованности пролетариата свидетельствует также более высокая доля грамотных среди рабочих младших возрастов. Эта тенденция нашла отражение в ряде источников (в том числе в переписях 1897 и 1918 гг., в переписи Москвы 1902 г. и др.) и неоднократно показывалась исследователями ¹⁴³. Добавим к этому аналогичные данные за 1913 г. по Баку и его промыслово-заводскому

району. В Баку среди рабочих фабрик и заводов (кроме нефтеобработки) неграмотные составляли: в возрасте от 8 до 19 лет — 22,9 %, 20—39 лет — 37,2, 40—70 и более лет — 41,7 %; в нефтеобрабатывающей промышленности соответствующие показатели были — 17,3; 33,9 и 43 %; в нефтедобыче и подрядном бурении — 26,6; 50,9 и 51,8 %. В промыслово-заводском районе Баку неграмотные в фабрично-заводской обрабатывающей промышленности составляли: в возрасте от 8 до 19 лет — 47,5 %, 20—39 лет — 54,6 %, 40—70 и более лет — 57,2 %; в нефтеобработке — 33,3; 35,9 и 45,5 %; в нефтедобыче и подрядном бурении — 54,2; 73,9 и 72,1 %¹⁴⁴.

Рост грамотности рабочих в начале XX в. происходил под влиянием целого ряда факторов. Ему способствовал как общий технический прогресс производства, которое предъявляло повышенный спрос на более культурных и квалифицированных рабочих, так и классовое, политическое развитие пролетариата. Умственному, культурному росту рабочих в громадных размерах способствовала революция 1905—1907 гг. После революции более широкое развитие получило как профессиональное, так и внешкольное образование рабочих, возрос их интерес к повышению своей культуры. В годы нового революционного подъема значительную работу по повышению культурно-образовательного уровня рабочих с помощью рабочей печати, культурно-просветительных организаций и т. д. вели большевики¹⁴⁵.

Выявляя процесс роста грамотности рабочих, материалы переписи 1918 г. в то же время показывают, что по удельному весу грамотных (так же как и в 1897 г.) впереди шли рабочие полиграфической промышленности, производства машин, инструментов и аппаратов, металлообработки. Кроме того, по данным 1918 г., высокой грамотностью отличались рабочие художественной и прикладной научной промышленности, электроэнергетики и водоснабжения, предприятий по обработке твердых материалов животного происхождения, по изготовлению одежды и предметов туалета, нефтяной промышленности. Так же как в 1897 г., наиболее низкие показатели грамотности были среди рабочих текстильного производства.

В табл. 27 показана грамотность рабочих Европейской России по губерниям и фабричным округам. Наиболее высокой (около 70 %), по данным 1897 и 1918 гг., она была в Петербургском округе и прежде всего в прибалтийских (Эстляндской, Лифляндской и Курляндской) и Петербургской губерниях. Высокой была также грамотность фабрично-заводских рабочих Олонекской и Витебской губерний (1918 г.).

Вслед за Петербургским по удельному весу грамотных рабочих следовали Московский и Варшавский округа. В первом из них впереди других по грамотности шли рабочие Московской и Ярославской губерний. В Варшавском округе наибольшей грамотностью (до 60 %) отличались рабочие Варшавской и Гродненской губерний.

Грамотность рабочих Киевского, Харьковского и Поволжского округов, по данным 1897 г., уступала остальным районам Европейской России, а сведения 1918 г. по этим округам неполны. В Поволж-

ском округе более высокая грамотность зафиксирована в Саратовской, Самарской и Нижегородской губерниях, а самые низкие показатели — в уральских губерниях. Тем не менее и на Урале доля грамотных была неодинаковой среди рабочих различных профессий, составляя от 60 до 80 % у металлистов и типографов и снижаясь до 30 % у горняков и текстильщиков ¹⁴⁶.

В Харьковском и Киевском округах в ряде промышленных губерний (Херсонской, Таврической, Харьковской, Тульской) грамотность рабочих была существенно выше средних показателей по округам. Ниже всего она оказалась в Бакинской и Тифлисской губерниях.

Согласно переписи 1913 г., в Баку и промыслово-заводском районе удельный вес грамотных составлял 36,3 %, в том числе в городе 43,7, в районе — 30,7 %. Наибольший удельный вес грамотных (64,2 %) был среди рабочих городских фабрик и заводов, а также нефтеобрабатывающей промышленности (50,7 % грамотных в городе и 63,7 % — в промыслово-заводском районе). Большая часть рабочих, занятых нефтедобычей, находилась в промыслово-заводском районе и отличалась гораздо меньшей грамотностью, составлявшей всего 27,6 %. В то же время среди живущих в городе рабочих этой отрасли грамотных было около 66 %. Сравнительно высокой являлась грамотность в городе рабочих «прочих видов добывающей и обрабатывающей промышленности» и торговых заведений (свыше 46 %), гораздо ниже — у транспортных рабочих (21,7 % грамотных в городе и 27,5 % в районе), не считая судоходства, где грамотные в Баку составляли 33,8 %, а в промысловом районе — 67,3 % ¹⁴⁷.

Грамотность была выше у квалифицированных и потомственных рабочих. Так, среди металлистов Петербурга грамотных насчитывалось в 1897 г. 73,4 % ¹⁴⁸. По сведениям же анкеты, проведенной петербургским профессиональным союзом металлистов в 1908 г. и охватившей наиболее квалифицированных рабочих, грамотными оказались 92 % опрошенных членов союза ¹⁴⁹. Из фабричных рабочих Московской губернии в 1908 г. грамотными были 51,2 %. При этом среди потомственных рабочих грамотные составляли 61,6 %, среди остальных — 41,8 % ¹⁵⁰. Грамотность находилась в прямой связи с размером заработка ¹⁵¹. Особенно ценились грамотные работники в металлообрабатывающей, полиграфической промышленности, в то время как в текстильной грамотность рабочих оказывала на их заработок гораздо меньше влияния ¹⁵².

Приведенные выше данные переписи 1918 г. об энерговооруженности рабочих, их связи с землей и грамотности свидетельствуют о том, что, как правило, в отраслях и районах, где энерговооруженность труда больше, выше был и удельный вес грамотных рабочих, а их связь с землей — слабее.

Грамотность рабочих тесно связана со степенью активности их участия в политической жизни страны. На это обстоятельство обратил внимание В. И. Ленин, который подчеркивал, что грамотность — это «условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить

азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»¹⁵³. Вот почему линия правительства и буржуазии на ограничение образования рабочих имела в конечном счете своей целью затормозить их политическое развитие. Деятельность же пролетарской партии по просвещению и поднятию культурного уровня рабочих вела к усилению их активности в классовой борьбе.

* * *

Таким образом, стаж, квалификация и грамотность рабочих находились между собой в тесной взаимосвязи и прямой зависимости. Обучение профессии было связано с ранним приходом в промышленность и длительной подготовкой по специальности и вместе с тем требовало или окончания какого-либо учебного заведения, или самостоятельных занятий. Показательно, что удельный вес грамотных и квалифицированных рабочих на крупных капиталистических предприятиях был примерно одинаков — приблизительно 60—70 %.

Исходя из средних данных о стаже работы, можно сказать, что на крупных капиталистических предприятиях удельный вес кадровых рабочих (работавших свыше 5 лет) равнялся в среднем 50—60 % их общего числа, хотя в различных предприятиях и производствах он был неодинаковым. Если учесть, что «чистые» пролетарии составляли около 90 % индустриальных рабочих, то доля кадровых рабочих по отношению к ним окажется еще более высокой. Кадровые рабочие в значительной своей части были квалифицированными и, конечно, грамотными. В их число входили большинство потомственных рабочих, которых, напомним, в пополнении пролетариата крупной промышленности насчитывалось до 50 %. Кадровые рабочие составляли все возрастающую часть и в других отраслях хозяйства, вбирая в себя основную массу имевшихся здесь квалифицированных, образованных и потомственных рабочих. Кадровые рабочие в крупной промышленности и на транспорте, обладая высокими профессиональными навыками и мастерством, являлись основным ядром пролетариата.

Наилучшими показателями по главным параметрам, характеризующим «чистых» пролетариев и кадровых рабочих, отличались металлисты и типографы. Среди них было меньше всего рабочих, связанных с землей, и, наоборот, больше всего потомственных, квалифицированных, грамотных и работающих продолжительное время на производстве рабочих. Такие отряды рабочих, как текстильщики и пищевики, напротив, отличались по всем показателям гораздо более слабым социальным развитием. Что касается других категорий пролетариата, помимо индустриального, то среди них было меньше не только «чистых» пролетариев, но и кадровых рабочих. Однако процесс возрастания их удельного веса шел и здесь.

В свою очередь среди различных региональных отрядов пролетариата высокой долей постоянных рабочих и «чистых» пролетариев,

наименьшей связью с землей, более высокой грамотностью и квалификацией, длительным стажем работы отличались рабочие Петербургского района. Эти показатели благоприятно складывались в прибалтийских и польских губерниях и в известной мере на Юге страны. В то же время в Центральном промышленном районе и на Урале более тесная связь части рабочих с землей сочеталась с их меньшей грамотностью и квалификацией, хотя в этих старых промышленных районах было особенно много потомственных рабочих, а также рабочих с большим производственным стажем.

Различные профессионально-отраслевые, региональные отряды пролетариата отличались не только социальной структурой, но и как результат этого — размером заработной платы. Не рассматривая этот вопрос специально (сравнительно недавно он был проанализирован в крупных исследованиях Э. Э. Крузе и Ю. И. Кирьянова), отметим здесь лишь главное.

Поскольку, как подчеркивал К. Маркс, заработная плата наемного рабочего определяется «издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда»¹⁵⁴, связь с землей, являвшейся для рабочего дополнительным источником дохода, неизбежно сопутствовала более низким заработкам, в то время как заработная плата «чистых» пролетариев была выше. Вместе с тем, как неоднократно отмечали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, связь рабочих с землей — явление общее для всех капиталистических стран — при господстве крупной промышленности тяжело сказывалась на положении всего пролетариата, снижая заработную плату рабочих не только в отдельных отраслях промышленности и районах, но и по всей стране¹⁵⁵.

Размер заработной платы рабочего зависел и от целого ряда других факторов: отрасли производства, квалификации рабочего, продолжительности рабочего года, размеров предприятий и др. Поскольку эти факторы были взаимосвязаны, заработная плата являлась в конечном счете отражением социальной структуры рабочего класса. В этой связи показательно, что индустриальные рабочие, представлявшие собой наиболее социально зрелый отряд пролетариата, были и лучше материально обеспечены. В 1913 г. средний годовой заработок рабочего фабрично-заводской промышленности составлял 264 руб.¹⁵⁶, горнодобывающей и горнозаводской (где труд был особенно тяжелым) — 335 руб.¹⁵⁷, железнодорожника (включая рабочих и служащих, что существенно увеличивало средний размер заработка) — 416,5 руб.¹⁵⁸. В то же время наиболее распространенный заработок строительного рабочего, по данным на 1911 г., составлял за сезон от 40 до 160 руб.¹⁵⁹, а работника мелкой кустарной промышленности — 133 руб.¹⁶⁰. Годовой сельскохозяйственный рабочий, живущий на своих харчах, получал в 1910 г. в среднем 148 руб.¹⁶¹. Для этих низкооплачиваемых категорий рабочих, занятых, как правило, сезонными работами с преобладанием ручного труда, земля являлась дополнительным источником дохода, обеспечивая в совокупности с заработком от наемного труда мало-мальски сносное существование.

Среди фабрично-заводских рабочих наибольший заработок имели металлисты (в среднем 402 руб.), рабочие бумажного и полиграфического производств (261 руб., в том числе типографы — 345 руб.), а также занятые обработкой минеральных веществ, в химической и деревообрабатывающей промышленности. Самая низкая заработная плата была у текстильщиков — от 192 до 215 руб. и у пищевиков — 189 руб., т. е. вдвое меньше, чем у металлистов.

Зарботок фабрично-заводского рабочего Петербургского фабричного округа составлял в среднем 339 руб. в год, Варшавского — 302, Харьковского — 286, Поволжского — 231, Московского — 219, Киевского — 196 руб. При этом если рабочий-металлист Петербургского округа получал в среднем 489 руб., Харьковского — 420, то Варшавского — 398, а Московского — 384 руб.; рабочий хлопкообрабатывающей промышленности — соответственно 248, 173, 276 и 201 руб. В бумажном и полиграфическом производствах наибольшие заработки были в Петербургском (331 руб.) и Московском (332 руб.) районах.¹⁶²

Среди рабочих горнозаводской и горнодобывающей промышленности самую высокую плату имели металлурги — в 1913 г. в среднем 380 руб., нефтяники — 374, шахтеры — 372 руб., а самую низкую — рабочие по добыче торфа, где труд был сезонным (133 руб.). Зарботки рабочих Урала были гораздо ниже, чем Юга, составляя, к примеру, в черной металлургии соответственно 306 и 483 руб.¹⁶³

Приведенные выше дифференцированные данные о заработной плате рабочих в 1914 г. позволяют сделать некоторые выводы о слое «рабочей аристократии» в России. Исследование этого вопроса, которое уже неоднократно предпринималось¹⁶⁴, требует рассмотрения комплекса проблем, выходящих за рамки данной работы: политики царизма и буржуазии, направленной на подкуп определенной части рабочего класса, особенностей «рабочей аристократии» в России и др. Мы же, учитывая тот факт, что «рабочая аристократия» включала квалифицированных, лучше всего оплачиваемых рабочих некоторых отраслей промышленности¹⁶⁵, в данной главе можем уточнить лишь вопрос о масштабе и профессиональном составе «рабочей аристократии».

Совокупность ряда факторов определила узость и некоторые особенности «рабочей аристократии» в России. Органическое переплетение в экономике страны новейших форм финансового капитала с пережитками ранних стадий капитализма и феодализма, техническая отсталость, узость массового рынка, огромное пролетарское перенаселение приводили к широкому распространению экстенсивных форм эксплуатации, снижали общий уровень заработной платы. Господствующие классы, в том числе крупная буржуазия, полагались в борьбе с рабочим движением прежде всего на карательный аппарат самодержавия. Либеральная рабочая политика получила в России слабое развитие и деформировалась царским правительством в духе традиционного «попечительства» и полицейской «опеки». Жестокий политический и социальный гнет, с одной стороны, а с другой — активная деятельность пролетарской марксистской партии, которая

имела большое влияние и в профессиональных союзах, и в других легальных рабочих организациях, приводили к вовлечению в революционную борьбу многих высокооплачиваемых рабочих.

Тем не менее слой «рабочей аристократии» в России существовал. Определив стоимость воспроизводства рабочей силы среднего промышленного рабочего России в условиях города в 600—700 руб. в год, Ю. Н. Нетесин подсчитал, что удельный вес высокооплачиваемой (с заработком свыше 700 руб. в год) верхушки пролетариата не превышал 4 %¹⁶⁶. Выше было показано, что, по наиболее массовым данным, слой высокооплачиваемых рабочих в России составлял в среднем примерно 2—4 %. Вместе с тем, согласно материалам, касающимся некоторых профессиональных отрядов рабочих, а также сведениям по отдельным заводам¹⁶⁷, удельный вес высокооплачиваемых рабочих поднимался иногда до 10 % и выше (правда, включенные в эту группу рабочие отличались между собой по уровню заработной платы, что не всегда было отражено в источниках). В то же время очевидно, что такие отряды пролетариата, как металлисты, типографы, железнодорожники, горняки (некоторых профессий), имели в среднем более высокие заработки, а доля высокооплачиваемых рабочих среди них в рассматриваемый период была больше. Самые высокие заработки у металлистов были в Петербургском и Харьковском округах, у типографов — в Петербургском и Московском, у горняков — на Юге страны, а также в Сибири.

Однако сами по себе данные об удельном весе высокооплачиваемых рабочих в России не могут служить точным мерилем слоя «рабочей аристократии». Они лишь являются одним из объективных показателей возможности образования такого слоя. Следует учитывать также пока еще слабо изученные усилия отдельных российских предпринимателей создать свои «фабричные системы» подкупа рабочих: выдачу ссуд, денежных премий, пенсий, предоставление отдельных квартир, преимущества при поступлении детей рабочих в профессиональные заводские училища и т. д. Но нередко все эти «привилегии» перекрывались действием факторов, объединявших весь рабочий класс (отсутствие каких-либо гарантий сохранения достигнутого уровня материального обеспечения, постоянно ощущаемая материальная зависимость от хозяев, гражданское и политическое бесправие) и способствовавших выработке пролетарского классового сознания. Характерно, что в составе российской «рабочей аристократии» значительное место занимали лица, противостоящие рабочим в самом процессе труда, — мастера, надсмотрщики, табельщики и т. д.

Для определения слоя «рабочей аристократии» в целом, а также в различных районах и отраслях промышленности необходимо выявить еще идейные позиции представителей данной группы, их место в рабочих организациях, степень участия в классовой борьбе и т. д., что в определенной мере будет сделано ниже.

Таким образом, в 1910—1914 гг., которые являлись важным этапом в социально-экономическом и политическом развитии России, рабочий класс не только значительно вырос количественно, но и изменился качественно. Увеличился удельный вес рабочих крупной капиталистической промышленности, усилилась концентрация пролетариата и энерговооруженность труда, ослабла связь рабочих с землей, выросла доля потомственных пролетариев в пополнении рабочего класса. Выше стал образовательный уровень рабочих, повысилась их квалификация, увеличивалось число кадровых рабочих, долгое время работавших на производстве и в большинстве своем имевших определенную профессию.

Все это привело к качественному улучшению социальной структуры рабочего класса. Это проявилось прежде всего в росте численности и удельного веса «чистого» пролетариата. Он включал в себя преобладающую массу индустриальных рабочих России, которая не имела связи с землей (или связь эта носила формальный характер). Сюда входила и часть рабочих других отраслей народного хозяйства, являвшихся постоянными рабочими и не имевших или не обрабатывавших землю. Для всех «чистых» пролетариев заработная плата от работы по найму являлась единственным источником дохода.

Наиболее социально устойчивую и развитую часть «чистых» пролетариев составляли кадровые рабочие, численность и доля которых в массе рабочих также росла. Прочно связанные с производством в результате продолжительного стажа работы, кадровые рабочие включали в себя большинство квалифицированных и потомственных пролетариев, как правило имевших и более высокие заработки. Кадровые пролетарии, сосредоточенные на крупных капиталистических предприятиях, определяли облик рабочего класса в целом.

Более высоким уровнем социального развития отличались металлисты и типографы, а из региональных отрядов пролетариата — рабочие Петербургского, а также Польского и Южного районов. Текстильщики и пищевики, значительная часть горняков, рабочие Центрального промышленного и Уральского районов являлись в социальном смысле в целом менее развитыми (что не исключало и здесь высокого уровня развития рабочих ряда профессий, городских и индустриальных центров).

В целом пролетариат крупных капиталистических предприятий представлял вполне сложившийся класс постоянных рабочих, «чистых» пролетариев.

Процесс дальнейшего освобождения от земли и увеличения постоянных рабочих кадров происходил и у всех остальных отрядов пролетариата, приближая некоторых из них, например строителей, к промышленным рабочим. Однако здесь имелось еще значительное число сезонных неквалифицированных рабочих. Вот почему значительная часть пролетариата неиндустриальных отраслей входила в слой рабочих, связанных с землей. Как правило, они имели низкую квалификацию или являлись чернорабочими, получали низкие зара-

ботки. Связанные с землей рабочие крупных капиталистических предприятий, также относящиеся к этому слою, тем не менее скорее остальных освобождались от земли, становились постоянными рабочими, включались в классовую борьбу.

Экономический подъем 1909—1913 гг., сопровождавшийся значительным повышением спроса на рабочую силу, способствовал более широкому привлечению к наемному труду рабочих с наделом. Однако технический прогресс, столыпинская аграрная реформа ускорили освобождение их от земли и превращение в «чистых» пролетариев.

Слой «рабочей аристократии» в России был узок, включая в себя небольшую часть высокооплачиваемых рабочих преимущественно наиболее развитых отраслей промышленности и районов страны. Несмотря на то что «рабочая аристократия» отличалась от рабочих, связанных с землей, по своему происхождению, материальному положению и по другим социально-экономическим характеристикам, оба эти слоя обладали рядом признаков мелкой буржуазии, что не могло не сказываться на их психологии и сознании. В тех случаях, когда еще не были изжиты частнособственнические склонности некоторых рабочих, как это было при сохранении у них непосредственной связи с землей, или когда они воссоздавались повышенной оплатой и другими формами прямого и косвенного подкупа, как это делалось в отношении «рабочей аристократии», существовали известные условия для сохранения индивидуалистической психологии, для проникновения в рабочую среду мелкобуржуазных идей.

В целом же определяющим накануне первой мировой войны был процесс дальнейшего социального развития и консолидации рабочего класса России, который составлял основу его политической консолидации. Ряд объективных факторов — труд в крупной промышленности, высокая концентрация здесь рабочих, производственная дисциплина — способствовал формированию лучших качеств революционного пролетариата России, и прежде всего его сознательности и организованности. Рост численности и важные качественные изменения в составе рабочего класса, происходившие в 1910—1914 гг., вели к увеличению его потенциальных возможностей в революционном движении, к более тесному сплочению всей многомиллионной армии пролетариев и полупролетариев в борьбе против самодержавия и капиталистов.

В конечном счете политическое лицо и поведение рабочих зависели не только от особенностей социально-экономического развития страны, но и от хода классовой борьбы, от деятельности революционной пролетарской партии, направленной на развитие классового сознания и организацию пролетариата.

¹ См.: Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913 гг.). Ростов н/Д. 1971. С. 125—129; Мейерович М. Г. Проблема источников пополнения фабрично-заводского пролетариата России периода империализма в новейшей советской исторической литературе (вторая половина 60-х—70-е гг.) // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1981. Вып. 3. С. 121—134.

² См.: Серый Ю. И. Указ. соч. С. 126.

- ³ См.: *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 136; *Мейерович М. Г.* Указ. соч. С. 130.
- ⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 583; Т. 22. С. 18—19, 282.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 238.
- ⁶ История рабочего класса Белорусской ССР. Минск, 1984. Т. 1. С. 157.
- ⁷ См.: *Панкратова А. М.* Рабочий класс России: Избр. тр. М., 1983. С. 149.
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.
- ⁹ См.: *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 136.
- ¹⁰ См.: *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М. 1976. С. 12—13.
- ¹¹ См.: *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 127.
- ¹² См.: *Полевой Ю. З.* Проблемы формирования российского пролетариата и его идеологии в трудах В. И. Ленина // В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 47.
- ¹³ См.: *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 7, 14.
- ¹⁴ См.: *Ниякий В. В.* Нижегородцы и горьковчане. Горький, 1975. С. 136—137.
- ¹⁵ См.: *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 140.
- ¹⁶ См.: *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906. С. 104—105.
- ¹⁷ Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. // Труды ЦСУ. М., 1926. Т. XXVI, вып. 1. С. 10, 11.
- ¹⁸ См.: *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 136—138.
- ¹⁹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 301.
- ²⁰ История рабочего класса Узбекистана. Ташкент, 1964. Т. 1. С. 26—27; *Шарипов Я.* Формирование и развитие рабочего класса в республиках Средней Азии. Душанбе, 1974. С. 12—13; *Заорская В. В., Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. Разд. 4. С. 65.
- ²¹ Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб., 1912. Вып. 113, ч. 2. Табл. XII. С. 23; То же. Пг., 1917. Вып. 141, ч. 3. Табл. XII. С. 35. — Подсчеты автора.
- ²² Там же. Вып. 141, ч. 3. Табл. XII. С. 5—11, 23—29.
- ²³ Железнодорожный транспорт в 1913 г. М., 1925. С. 154.
- ²⁴ Там же, с. XLVIII.
- ²⁵ Служащие на паровых и непаровых речных судах Европейской России и бассейнов рек Оби и Амура: По переписи 1901 года. СПб., 1904. С. VII. (Далее: Служащие на паровых и непаровых речных судах. . .).
- ²⁶ *Кор-н Н.* Судходство и страховые законы 23 июня 1912 г. // Русское судходство. 1914. № 1. С. 9.
- ²⁷ Подсчитано по: Перепись судходных предприятий Волжского бассейна и Мариинской системы. СПб., 1915. Вып. 3. С. 2—29. (Далее: Перепись судходных предприятий. . .).
- ²⁸ См. Там же. С. 7, 15, 19, 25, 29. — Подсчеты автора.
- ²⁹ См.: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 135; *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 34; *Коновалов П. С.* Рынок рабочей силы, источники формирования и состав строительных рабочих Сибири в эпоху капитализма // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 125; Рабочий класс России. 1907—февраль 1914 г. С. 40.
- ³⁰ *Гольцман М. Т.* Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки: (По материалам профсоюзных переписей 1929 и 1932 гг.) // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. М., 1961. С. 140—141.
- ³¹ Там же. С. 145—146.
- ³² *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 135.
- ³³ Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. Т. 1. (Далее: Численность и состав рабочих в России. . .) С. IX; Табл. 1. С. 79, 81; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Ч. 2. С. 364—365.
- ³⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 155.
- ³⁵ См.: *Коновалов П. С.* Указ. соч. С. 124, 126.
- ³⁶ См.: *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 134.
- ³⁷ См.: *Струмилин С. Г.* Динамика батрацкой армии в СССР // Наемный труд в сель-

- ском хозяйстве. М., 1926. С. 5—8; *Казаков А.* Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.; Л., 1930. С. 11; *Дроздов И. Г.* Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930. С. 8; *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 164—165.
- ³⁸ См.: *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 333; *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 40.
- ³⁹ *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 236.
- ⁴⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 170.
- ⁴¹ См.: Там же. Т. 24. С. 350—351.
- ⁴² Там же. С. 327—328.
- ⁴³ См.: *Горюшкин Л. М.* Указ. соч. С. 236.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 541.
- ⁴⁵ См., напр.: *Погожев А. В.* Указ. соч. С. 111—112; *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 493—495; *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 254—257; *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 72—84.
- ⁴⁶ *Кирьянов Ю. И.* Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁷ Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг. СПб., 1908. С. 84.
- ⁴⁸ Там же. С. IV.
- ⁴⁹ Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 1. С. 11—12.
- ⁵⁰ Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг. С. 84; Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 1, табл. XVI. С. 163.
- ⁵¹ См.: *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 255.
- ⁵² *Козьминых-Ланин И. М.* Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии. М., 1912. С. 12, 13.
- ⁵³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 37.
- ⁵⁴ *Антонова С. И.* Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса. М., 1951. С. 196—198.
- ⁵⁵ *Воробьев Н. Я.* Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. // Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 1. С. 54.
- ⁵⁶ См.: Там же. Вып. 1. С. 53.
- ⁵⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 37.
- ⁵⁸ *Зиновьев В. П.* О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 64—66; *Он же.* Рабочие Сибири в 1907—1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 23.
- ⁵⁹ Железнодорожный транспорт в 1913 г. С. XLIX.
- ⁶⁰ *Земеров Б. И.* Рабочий день и рабочее время железнодорожников-эксплуатационников Сибири (1894—1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 6. С. 131.
- ⁶¹ Перепись судоходных предприятий. . . Вып. 3. С. 2—29 (подсчитано автором путем деления общего числа месяцев службы навигационных рабочих и служащих на число навигационных работников); *Большаков В. П.* К вопросу о формировании и численности речников в Сибири (1895—1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976, с. 135; *Гусейнова Д. С.* Рабочие-моряки Каспия. 90-е годы XIX в.—1907 год. Баку, 1981, с. 25.
- ⁶² *Воробьев Н. Я.* Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР. М., 1961. С. 129; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 // Труды ЦСУ. М., 1924. Т. XVIII. С. 213. См. также: *Рыбников А. А.* Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922. С. 15, 19.
- ⁶³ *Варзар В. Е.* Очерки основ промышленной статистики. М.; Л., 1925. С. 114—115.
- ⁶⁴ *Клейн Н. Л.* Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX—начале XX в.: К вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 356.
- ⁶⁵ Движение рабочих на заработки в 1911 году: Строительные и дорожные работы. СПб., 1911. С. 10. См. также: *Громан В. В.* Обзор строительной деятельности в России. СПб., 1912. С. 98.
- ⁶⁶ *Крузе Э. Э.* Указ. соч. С. 256.
- ⁶⁷ *Иванов Л. М.* Преимущество фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. М., 1966. С. 140.

- ⁶⁸ См.: *Мейерович М. Г.* Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма: (На материалах Ярославской губернии) // *История СССР*. 1980. № 5. С. 162, 166; *История рабочего класса Белорусской ССР*. Т. 1. С. 150.
- ⁶⁹ *Козьминых-Ланин И. М.* Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. Табл. VI; *Антонова С. И.* Указ. соч. С. 188; *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 110; *Иванов Л. М.* Некоторые вопросы социального развития рабочего класса России в 1900—1913 гг. // *Рабочий класс России в период буржуазно-демократических революций*. М., 1978. С. 194, 195; *Мейерович М. Г.* Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма. С. 162, 166.
- ⁷⁰ *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 114—124.
- ⁷¹ *Труд в СССР: Экон.-стат. справочник*. М., 1932. С. 89—91; *Профессиональная перепись 1932—1933 гг.* М., 1934. С. 94—155.
- ⁷² *Служащие на паровых и непаровых речных судах...* С. VIII.
- ⁷³ *Гольцман М. Т.* Указ. соч. С. 183.
- ⁷⁴ См.: *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Указ. соч. С. 138—139.
- ⁷⁵ *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 328, 330; *Иванов Л. М.* Преемственность труда и формирование пролетариата в России. С. 86, 118; *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 371, 373; *Антонова С. И.* Указ. соч. С. 111—112; *Лескова Л. И.* Изменение в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910—1914 гг. // *Ист. зап.* 1960. Т. 67. С. 266.
- ⁷⁶ См.: *Иванов Л. М.* Некоторые вопросы социального развития рабочего класса России в 1900—1913 гг. С. 99.
- ⁷⁷ *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 72—93, 130.
- ⁷⁸ *Полферов Я. Я.* Кустарная промышленность в России. СПб., 1913. С. 35.
- ⁷⁹ См.: *Горюшкин Л. М.* Указ. соч. С. 213, 215—216; *Большаков В. Н.* Указ. соч. С. 130—132.
- ⁸⁰ См.: *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Указ. соч.
- ⁸¹ Там же. С. 97.
- ⁸² *Давиденко А. И.* К вопросу о численности и составе пролетариата Петербурга в начале XX в. // *История рабочего класса Ленинграда*. Л., 1963. Вып. 2. С. 104.
- ⁸³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.
- ⁸⁴ *Козьминых-Ланин И. М.* Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. С. 2. Табл. I—XV.
- ⁸⁵ *Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.* // *Труды ЦСУ*. Т. XXVI, вып. 2. С. 118—119.
- ⁸⁶ *Грунт А. Я.* Московский пролетариат в 1917 г. // *Ист. зап.* М., 1970. Т. 85. С. 101.
- ⁸⁷ *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Указ. соч. С. 118—119.
- ⁸⁸ *Лаверычев В. Я.* К вопросу о составе рабочих Иваново-Вознесенска в начале XIX в. (1900—1914 гг.) // *Науч. докл. высш. шк. Ист. науки*. 1959. № 3. С. 41.
- ⁸⁹ *Адамов В. В.* Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // *Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917 гг.* С. 173—174.
- ⁹⁰ *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Указ. соч. С. 138.
- ⁹¹ См.: *Гуськова Т. К.* Облик рабочих Урала // *Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония*. М., 1970. С. 298.
- ⁹² *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 134.
- ⁹³ *Стопани А. М.* Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. М., 1924. С. 28.
- ⁹⁴ *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 58—60.
- ⁹⁵ *Наумов Г.* Бюджеты рабочих г. Киева. Киев, 1914. С. 52.
- ⁹⁶ *Рыбников А. А.* Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913. С. 39.
- ⁹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 170.
- ⁹⁸ Там же. Т. 22. С. 18—19; См. также: С. 21.
- ⁹⁹ Там же. Т. 23. С. 174; См. также: С. 164.
- ¹⁰⁰ *Труд в СССР: Экон.-стат. справочник*. С. 90.
- ¹⁰¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 533—534.
- ¹⁰² См. Там же. Т. 22. С. 282.
- ¹⁰³ Там же. Т. 14. С. 166.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. 2. С. 91.

- 105 *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 28.
- 106 *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 13.
- 107 *Мейерович М. Г.* Проблема источников пополнения фабрично-заводского пролетариата России периода империализма. . . С. 131.
- 108 *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 127.
- 109 См.: *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 502—504, 506, 529, 530; *Иванов Л. М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. С. 96; *Антонова С. И.* Указ. соч. С. 205, 207; *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 160—165; *Демешина Е. И.* Рабочее движение на Дону в период империализма. Ростов н/Д, 1973. С. 21—22; *Стригунов И. В.* Численность и состав бакинского пролетариата в годы нового революционного подъема // *Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема. 1910—1914. М., 1965.* С. 319; *Абезгауз З. Е.* Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. 1900—1913 гг. Минск, 1977. С. 89; *Мейерович М. Г.* Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма. С. 167; *История рабочего класса Белорусской ССР. Т. 1.* С. 155; *Железнодорожный транспорт в 1913 г.* С. 162.
- 110 Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909. С. 82.
- 111 *Рожкова М. К.* Рабочие Трехгорной мануфактуры во второй половине XIX века: История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. I. С. 223; *Она же.* Состав рабочих Трехгорной мануфактуры накануне империалистической войны: История пролетариата СССР. М., 1931. Сб. 5. С. 172, 173.
- 112 *Мейерович М. Г.* Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма. С. 167.
- 113 *Иванов Л. М.* Некоторые вопросы социального развития рабочего класса России в 1900—1913 гг. С. 118.
- 114 *Стригунов И. В.* Указ. соч. С. 319.
- 115 *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 519, 522.
- 116 *Иванов Л. М.* Некоторые вопросы социального развития рабочего класса России в 1900—1913 гг. С. 117—118.
- 117 *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Указ. соч. С. 86, 87.
- 118 Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 198.
- 119 *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 524—525, 527.
- 120 Служащие на паровых и непаровых речных судах. . . С. X, XIII, XIV.
- 121 Перепись Баку 1913 года. Баку, 1916. Ч. 3, вып. 2. С. 9; Там же. Баку, 1915. Ч. 3, вып. 4. С. 10.
- 122 В промышленно развитых районах в 1900—1914 гг. поденная плата чернорабочих мужчин колебалась в пределах 1 руб. и выше, а женщин чаще всего составляла от 50 до 80 коп. См.: *Крузе Э. Э.* Заработная плата чернорабочих России в 1900—1913 гг. // *Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ.* Ростов н/Д, 1972. С. 126.
- 123 Подсчитано по: Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 и июнь 1916 гг.). М., 1918. Вып. 1. С. XXV.
- 124 *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Указ. соч. С. 84.
- 125 См.: *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 128; *Мурзинцева С. В.* Изучение формирования и состава рабочих Трубочного завода по данным паспортных книг. 1907—1914 гг. // *Рабочие России в эпоху капитализма.* С. 65; *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 154—155.
- 126 Подсчитано по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Пг., 1918. С. XXV.
- 127 *Кирьянов Ю. И.* Рабочие Юга России. 1914—февраль 1917 г. М., 1971. С. 44.
- 128 *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 156.
- 129 Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 32.
- 130 См.: *Зольников Д. М.* Указ. соч., с. 57.
- 131 Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках «Ленского золотопромышленного товарищества» / Сост. горный инженер Ш. Кваша. СПб., 1912. С. 20.
- 132 Железнодорожный транспорт в 1913 г. С. LVIII; *Пушкарева И. М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С. 54—57.
- 133 Подсчитано по: Перепись судоходных предприятий. . . Вып. 3. С. 32—101.

- 134 Гусейнова Д. С. Указ. соч. С. 60.
- 135 Движение рабочих на заработки в 1911 году. . . С. 5.
- 136 Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России. С. 115.
- 137 Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909. С. 64; Рашин А. Г. Указ. соч. С. 593; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России. С. 115, 120; Рябухин Е. И. Большевицские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907—1914). Саратов, 1968. Ч. 1. С. 318—321; Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. 1861—1900. М., 1985. С. 132—135; и др.
- 138 В материалах переписи, помимо рабочих отраслей, перечисленных нами в табл. 28, сюда вошли работники почты и телеграфа, извозного промысла, гостиниц и некоторые др.
- 139 Численность и состав рабочих в России. . . Т. 1. С. XIX. Табл. III. С. 2.
- 140 Там же. Т. 1. Табл. III. С. 2, 4. — Подсчеты автора.
- 141 Служащие на паровых и непаровых речных судах. . . С. XVIII, XIX.
- 142 Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 302.
- 143 См.: Численность и состав рабочих в России. . . Т. 1. С. XIV. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Вып. 2. С. 40—47; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 2. С. 27; Козьминых-Ланин И. М. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. С. 1—3; Рашин А. Г. Указ. соч. С. 594—598, 602; Рябухин Е. И. Указ. соч. С. 319; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России. С. 119, 121; Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Указ. соч. С. 146.
- 144 Подсчитано по: Перепись Баку 1913 г. Ч. 3, вып. 2. С. 6—7; Вып. 4. С. 6—7.
- 145 См.: Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912—1914 годах. М.; Л., 1961. С. 89—93; Кирьянов Ю. И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. С. 136—138; Крупянская В. Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Там же. С. 279, 287—288; Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975. С. 39—41; Розенталь И. С. Духовные запросы рабочих России после революции 1905—1907 гг. // Ист. зап. М., 1982. Т. 107. С. 69—99.
- 146 Рябухин Е. И. Указ. соч. С. 320—321; Гуськова Т. К. Указ. соч. С. 304; Гаврилов Д. В. Указ. соч. С. 134.
- 147 Подсчитано по: Перепись Баку 1913 г. Ч. 3, вып. 2. Табл. 1. С. 6—7; Ч. 3, вып. 4. Табл. 6. С. 44—45.
- 148 Численность и состав рабочих в России. . . Т. 2. Табл. III. С. 18.
- 149 Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. С. 89—91. О прямой зависимости грамотности и квалификации см. также: Струмилин С. Г. Квалификация труда и выучка рабочих // Материалы по статистике труда. Пг., 1919. Вып. 5. С. 3—32, 65; Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Указ. соч. С. 89—90.
- 150 Козьминых-Ланин И. М. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. С. III; Он же. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. Последняя стр. — Подсчеты наши.
- 151 См.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 604—607.
- 152 Козьминых-Ланин И. М. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. С. XIX—XX.
- 153 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 174.
- 154 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. С. 321.
- 155 См.: Там же. Т. 21. С. 341—342; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 362.
- 156 Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. СПб., 1914. С. L. Показан заработок с включением стоимости содержания рабочих на хозяйских харчах, но без других видов довольствия натурой (например, квартирного).
- 157 Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 473.
- 158 Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 641; Рашин А. Г. Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884—1913 гг. // Вопросы экономики, планирования, статистики. М., 1957. С. 447.
- 159 Движение рабочих на заработки в 1911 г. . . . С. 122—129.
- 160 Полферов Я. Я. Кустарная промышленность в России. С. 14.

- ¹⁶¹ Львов В. Заработная плата и рабочее время батраков, занятых в крестьянских хозяйствах // Наемный труд в сельском хозяйстве. С. 148.
- ¹⁶² Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. С. L, LI, 28—29, 33—34, 37, 46—48.
- ¹⁶³ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. С. 473, 474.
- ¹⁶⁴ См.: Рубинштейн М. Социальные корни реформизма. М., 1926; Нетесин Ю. Н. К вопросу о социально-экономических корнях и особенностях «рабочей аристократии» в России // Большевицкая печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1965; Тютюкин С. В. О некоторых особенностях «рабочей аристократии» в России // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. Одесса, 1967. Ч. 2; Структура рабочего класса капиталистических стран. Прага, 1972; и др.
- ¹⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 122; Т. 25. С. 230.
- ¹⁶⁶ Нетесин Ю. Н. Указ. соч. С. 207—209.
- ¹⁶⁷ См., напр.: Лаврычев В. Я. Положение иваново-вознесенских рабочих в начале XX в. (1900—1914 гг.) // Рабочие России в эпоху капитализма. С. 161—162; Мурзинцева С. В. Указ. соч. С. 65.